

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ
ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

О. Э. Бессонова

Р А З Д А Т О К
Институциональная теория
хозяйственного развития
России

Новосибирск

1999

УДК 300.331

ББК 65.в04

Б53

Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России/ О. Э. Бессонова.– Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1999 - 152 с.

ИК 61 Г (03)

В книге излагается новый взгляд на прошлое и будущее хозяйственного развития России. В его основе лежит теория раздаточной экономики, в которой утверждается, что наряду с рыночными экономиками существуют столь же жизнеспособные и имеющие свои собственные законы развития – раздаточные экономики. Причем курс этого развития тот же – приобрести цивилизованную природу, демократизировать все стороны жизни, стать эффективными и жизнеспособными. Хозяйственная система России имеет природу раздаточной системы на протяжении всей ее экономической истории с IX по XX вв., а экономическая эволюция в России есть эволюция институтов раздаточной экономики.

Книга адресована широкому кругу читателей – экономистам, социологам, политологам, хозяйственникам, а также может быть полезна студентам и преподавателям экономических и социологических факультетов.

Утверждено к печати

Институтом экономики и организации
промышленного производства СО РАН

ISBN 5-89665-005-1

© Бессонова О.Э., 1999.

© ИЭиОПП СО РАН, 1999.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Глава 1. Парадигмы и теоретические подходы к изучению общественного и хозяйственного развития России	9
1. Формационная парадигма.....	11
2. Цивилизационная парадигма	15
3. Экономико-антропологический подход	21
4. Экономический подход.....	25
5. Исторический подход	30
6. Прогрессорский подход.....	34
Глава 2. Институционализм как методология изучения хозяйственного развития	39
1. Этапы в развитии институционализма.....	41
2. Методологический потенциал институционализма	48
3. Институты как предметная область экономической социологии	52
Глава 3. Теория раздаточной экономики	59
1. Парадигмальная рамка	61
2. Институциональное ядро раздаточной экономики	75
Глава 4. Институциональные циклы в развитии раздаточной экономики России	89
1. Общинный раздаток (конец IX – начало XIII вв.)	91
2. Поместный раздаток (конец XIV – середина XIX вв.).....	99
3. Административный раздаток (1920-1980-е гг.).....	122
4. Переходные периоды в раздаточной экономике России	133
Заключение	143
Литература	147

От автора

Современный период развития хозяйственной системы России характеризуется активной реформаторской деятельностью по ее преобразованию. Однако результаты реформ последнего десятилетия не соответствуют предполагаемым ожиданиям. Неудачный трансформационный процесс сопровождается интенсивными дискуссиями о путях развития России. Должно ли ее хозяйственное развитие осуществляться по западноевропейскому образцу или развитие России будет направляться по собственному, особому пути. Общество не в состоянии выбраться из кризиса самоидентификации из-за отсутствия конвенциональной теории общественного и хозяйственного развития России. В данной монографии предлагается для обсуждения такая теория, которая объясняет исторический ход событий, приведших к сегодняшней ситуации в стране.

В настоящее время происходит становление новой научной дисциплины - экономической социологии. До сих пор ее теоретическую основу составляет преимущественно синтез западной экономической и социологической мысли. Однако в этом своем качестве экономическая социология не может выступать инструментом для понимания общественных и хозяйственных процессов, протекающих в России. В ее фундаменте должна лежать макроэкономико-социологическая теория, объясняющая закономерности хозяйственного развития России. Предлагаемая теория хозяйственного развития России разработана в рамках экономической социологии и для теоретических потребностей российской экономической социологии. В настоящее время накоплено огромное количество научных фактов, касающихся хозяйственного развития России. Имеется много научных источников, вводящих их в оборот. Достаточно обширна литература, содержащая обобщения по разным аспектам общественной и хозяйственной жизни России, особенно по проблемам трансформации. Однако совсем немногочисленны труды, в которых содержится постановка, заявленная в данной работе - выявление траектории хозяйственного развития России. Это связано прежде всего с тем, что в период

господства формационного подхода данная задача считалась решенной.

Теория, изложенная в данной монографии, базируется на институциональном подходе, методологический потенциал которого значительно превышает возможности других подходов. Институциональный подход только начал развиваться в нашей стране, в то время как на Западе институционализм имеет богатую историю. Многочисленная переводная литература, в которой анализируются проблемы рыночных экономик, довлеет над умами российских исследователей. Потому развитие институционализма в нашей стране в основном выражается в прямом заимствовании категорий, идей, теорий из западной литературы. С одной стороны, этот процесс обогащает интеллектуальный багаж исследователей, с другой - замедляет выработку собственной институциональной теории. Институциональная теория хозяйственного развития России должна опираться на российские реалии, использовать лишь методологическую основу институционального подхода, не копируя идеи, категории и способы их приложения к западной реальности.

Институциональная теория хозяйственного развития России широко использует исторический материал. Это связано с тем, что "биография" раздаточной экономики в России имеет продолжительность с IX по XX вв. При этом не ставилась задача нахождения новых исторических фактов, в данном исследовании используются уже известные исторические факты, широко введенные в обиход научного знания. Поэтому история в данной работе не является областью научного исследования, а выступает поставщиком фактической информации для тех гипотез, которые касаются давно прошедших лет.

Итак, в монографии даны основные положения институциональной теории хозяйственного развития России. Теория носит междисциплинарный, макроэкономико-социологический характер, с использованием исторического подхода. Объектом данной теории являются институциональные изменения хозяйственной системы России в долгосрочной ретроспективе и в краткосрочном плане, как в целом, так и отдельных ее сфер.

В основе институциональной теории хозяйственного развития России лежат пять базовых гипотез:

1. **О дуальности экономики (рынок и раздаток):** наряду с рыночной экономикой всегда существовала раздаточная экономика, столь же объективная, естественно-историческая и саморегулирующаяся, имеющая собственные законы развития.

2. **О характере хозяйственной системы России,** которая имеет природу раздаточной системы на протяжении всей своей экономической истории с IX по XX в.; экономическая эволюция в России есть эволюция институтов раздаточной экономики.

3. **О значении переходных периодов в эволюции раздаточной экономики,** в которых осуществляется поиск новых форм институционального ядра для следующего этапа развития раздаточной экономики.

4. **О способах существования рыночных отношений в раздаточной экономике:** в основные периоды рыночные отношения находятся под контролем раздаточной институциональной среды, а в переходные периоды создается квазирыночная институциональная среда, в которой вызревают новые формы институционального ядра раздаточной экономики.

5. **О причинах раздаточного характера хозяйственной системы России:** коммунальность материально-технологической среды и этатизационный потенциал населения.

Институциональная теория хозяйственного развития России позволяет реконструировать историческую траекторию хозяйственной системы российского общества; проводить анализ как на макроуровне, так и на микроуровне социально-экономических процессов; выявлять механизмы функционирования российского общества как в стабильные, так и в трансформационные периоды; объяснять повседневную хозяйственную практику российской жизни.

Глава 1

**Парадигмы и теоретические подходы к
изучению общественного и
хозяйственного развития России**

В главе рассматриваются традиционные парадигмы и подходы к изучению общественно-хозяйственного развития России. Большинство из них имеют междисциплинарный характер, находясь на пересечении социологии, экономики, истории и философии. Все они сыграли в той или иной мере важную роль в формировании представлений о траектории хозяйственного развития России. Однако проанализированные подходы и парадигмы имеют существенные ограничения для решения поставленной задачи - выявления закономерностей хозяйственного развития России.

Под *подходом* понимается устойчивое направление общественно-научной мысли, опирающееся на определенный категориальный аппарат и систему исходных посылок, обладающее конвенциональным теоретическим ядром, имеющее своих классиков или признанных авторитетов, а также достаточно широкий круг последователей.

Парадигмой принято называть совокупность теоретических и методологических предпосылок, определяющих конкретное научное исследование и являющееся основанием выбора проблем, а также моделью, образцом для решения исследовательских задач. Парадигма обладает большей жесткостью и структурностью, задаваемой системой понятий и внутренними теоретическими связями.

1. Формационная парадигма

Теория социально-экономических формаций была разработана К. Марксом и Ф. Энгельсом в середине XIX в. в противовес конструкциям младогегельянцев и иных идеалистов, сводивших историю к "саморазвитию и к самопознанию духа". Тем самым было сформировано материалистическое понимание истории и разработан концептуальный аппарат для выделения и осмысления общественных отношений и лежащих в их основе хозяйственных систем.

В основе формационной парадигмы лежит категория "общественно-экономической формации", которая в свою очередь включает систему определенных в рамках данной парадигмы понятий, таких как способ производства материальных благ, производительные силы, производственные отношения, базис, надстройка. Суть этого подхода состоит в выделении 5 общественно-экономических формаций (первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической), последовательная смена которых показывает этапы развития всемирно-исторического процесса. При этом предполагается, что каждое общество в своем развитии, как правило, проходит все эти формационные ступени.

Методология применения формационной парадигмы к изучению хозяйственного развития различных обществ заключалась в том, что к любому из изучаемых обществ неизменно прилагалась пятичленная схема. Любое общество, с точки зрения этого подхода, должно соответствовать признакам, отвечающим характеристике одной из формаций. В случаях, когда трудно или невозможно было добиться подобного соответствия исторической действительности "идеальному типу", делались оговорки о локальном своеобразии данной общественной структуры либо об ее "недоразвитости". Положение о том, что некоторые народы не проходили через какую-либо общественно-экономическую формацию, ни в коем случае не отменяло общепризнанного исторического закона.

К. Маркс, как показывает анализ его текстов, все-таки не склонен был подгонять все бесконечное многообразие истории

под жесткую и единообразную схему. Об этом свидетельствует введение им таких понятий как "азиатский способ производства" и "античный способ производства", с помощью которых он осуществлял противопоставление Запада и Востока. Однако, как вписываются эти категории в ряд выделенных им же 5 других формаций - определенную стадию доклассового общества, разновидность раннеклассовых образований - осталось до конца не проясненным.

Формационный подход господствовал в советском обществоведении около 70 лет. Он выступал не только в качестве теории или методологии изучения советского общества, но и в качестве идеологии. Это наложило существенный отпечаток на его догматизацию. "Выдвинутая Марксом научная гипотеза была впоследствии превращена в непогрешимую догму. Марксу было приписано открытие законов исторического развития, якобы действующего во все времена и под всеми широтами... Марксизм был выведен за пределы науки, сделан предметом веры, компонентом принудительной идеологии тоталитарного строя. Это не могло не привести к вульгаризации и прямой фальсификации мыслей Маркса" [12, с. 36].

Именно поэтому в конечном счете формационная теория Маркса выродилась в формационный редукционизм - "сведение всего многообразия мира людей к формационным характеристикам" [12, с. 34]. При этом остались не разработанными такие фундаментальные вопросы как определение основных категорий (особенно - производительных сил), соотношение закономерностей разного уровня (глобальных, региональных, страновых), закономерности возникновения новой формации, с одной стороны, и распространения этой формации по различным регионам, с другой.

Хозяйственное и общественное развитие России в исторической ретроспективе в советской историографии было переложено на "формационную шкалу". В ходе этой работы возникали трудности с идентификацией того или иного периода с формационными характеристиками. Так, длительное время велись дискуссии о том, является ли Киевская Русь рабовладельческим или феодальным обществом. В итоге периодизация хозяй-

ственного развития России в рамках данного подхода выглядит следующим образом: IX - середина XIX вв. - феодализм; 1870-е – 1917 гг. - капитализм; с 1917 г. - социализм.

Как видно, основное историческое время, по установившейся в конечном счете периодизации хозяйственного развития России, господствовал феодализм. В то же время дискуссии о том, был ли феодализм на Руси вообще, а если и был, то в какой конкретно период - долгое время являлись центральными для исторической российской науки [37]. То же самое можно сказать и о "развитии капитализма в России". Другими словами, формационные "одежды", в которые наряжали историю России, не очень то ей и подходили.

Историки осознавали, что применение пятичленной схемы чревато упрощениями и неоправданными сближениями разнородных и разнокачественных социальных систем и слабо обоснованными генерализациями.

Формационный подход неоднократно подвергался жесткой критике. И, прежде всего - со стороны востоковедов. Утверждалось, что данная схема была разработана на основе одного лишь европейского материала и по этой причине не применима к истории Азии, Африки, Америки, что попытки "искусственно навязать" эту схему неевропейским регионам приводят к искажению конкретного материала, к подгонке фактов под "рецепт - схему" и, таким образом, к догматизму.

После начала трансформационных процессов в России формационный подход был окончательно фальсифицирован не только прошлым азиатского континента, но и современными процессами в России, поставившими под сомнение реальность "социалистической" формации и, соответственно, всю формационную траекторию общественного движения.

На мой взгляд, формационный подход крайне неудачен для понимания общественного и хозяйственного развития в России. Прежде всего, потому что он разделяет - в прямом смысле этого слова - историю России на отдельные, слабо связанные между собой исторические этапы. При этом каждый последующий этап отрицает предыдущий, описывается в разных хозяйст-

хозяйственных категориях и тем самым блокирует поиск причин тех или иных современных явлений в историческом прошлом. Так, 1917 г. являлся тем рубиконом, который разделил историю России на старую и новую.

Вторым негативным моментом применения формационного подхода к хозяйственному развитию России являлся перенос терминов западного общества на российскую почву, что придавало искаженный смысл явлениям российского общества. Так, например, помещики, вотчинники, князья, дворяне, бояре - занимающие разное социальное положение и играющие разные социальные роли на разных исторических этапах, именовались одним словом - феодалами.

Третьим отрицательным моментом для изучения хозяйственного развития России являлась собственно сама периодизация. Как отмечалось, под феодализм отводилось около девяти веков. Однако в этот период российское общество претерпевало существенные общественные и хозяйственные изменения. С тем, чтобы хоть как-то их улавливать, были введены новые категории и, соответственно, разукрупнены исторические периоды - раннефеодальное общество и поздний феодализм.

Таким образом, формационный подход, зародившись в 1850-е гг., использовался для объяснения хозяйственной жизни России на протяжении практически всего XX столетия. Догматизировавшись, он довлел над новыми историческими фактами, над любыми другими интерпретациями. И потому главный недостаток этого подхода не в нем самом, а в том, что он, будучи признанным в качестве идеологии, выступал как априорное знание, как единственно возможная схема рассуждения в рамках советской общественной науки.

В то же время после отказа от формационного подхода в теоретической базе общественных наук образовалась "черная дыра". Для изучения хозяйственного развития России "необходима теория, но теория не отрывающаяся от исторической почвы; то, в чем нуждаются историки, не всеобъемлющая система, а комплекс теоретических посылок, поднимающихся над эмпирией, но ни в коем случае не порывающих с ней" [12, с. 42].

2. Цивилизационная парадигма

В настоящее время в российском обществоведении место формационной парадигмы заняла цивилизационная. Сегодня это модное направление мысли, подобно тому как в начале XX в. модна была формационная парадигма. Это связано с тем, что в ситуации исторической разорванности, резкой смены ценностных ориентаций они обе были призваны решать кардинальную проблему обновления цели и смысла истории. Если в рамках формационной парадигмы исторические коллизии России решались в противопоставлении капитализма социализму, то в рамках цивилизационной парадигмы эта историческая дилемма рассматривается как Запад - Восток или, точнее, западная или восточная цивилизация.

В основе цивилизационной парадигмы лежат категории "цивилизация" и "культура". Понятия "цивилизация" (в единственном числе) и "цивилизации" (во множественном числе) отличаются друг от друга. Идею цивилизации развили французские мыслители XVIII в. в противовес понятию варварства. Цивилизационное общество отличалось от примитивного тем, что было оседлым, городским и образованным. Однако со временем о цивилизациях все чаще начинали говорить во множественном числе и в поле зрения появилось много цивилизаций, каждая из которых была цивилизована по-своему.

Повсюду, кроме Германии, цивилизацию считают культурной целостностью. Немецкие мыслители XIX в. провели резкую грань между цивилизацией, включающей механику, технологию, материальные факторы, с одной стороны, и культурой, которая включает ценности, идеалы и более высокие интеллектуально-художественные, моральные качества общества, - с другой. Это разграничение нигде больше признано не было, по словам Ф. Броделя, "желание на немецкий манер отделить культуру от ее основы - цивилизации - обманчиво".

И цивилизация, и культура - понятия, относящиеся ко всеобъемлющему стилю жизни народов, причем цивилизация - это культура в широком смысле слова. Оба понятия включают в себя "ценности, нормы, институты и способы мышления, кото-

рым сменяющие друг друга поколения придают первостепенное значение" [45, с. 115].

Суть цивилизационной парадигмы заключается в понимании того, что человеческая история - это история цивилизаций. Цивилизации представляют собой самую широкую культурную группировку людей и самый широкий круг их культурной идентификации. Цивилизацию определяют и такие общие объективные элементы, как язык, история, религия, традиции, институты и субъективная самоидентификация людей. Цивилизации смертны, но вместе с тем живут долго. Они динамичны, переживают подъем и падение, сливаются и делятся, и исчезают, оказываясь похороненными в «песках времени». Фазы их эволюции в разных теориях устанавливаются по-разному, но все они сходятся в том, что цивилизации проходят пору трудностей или конфликтов, движутся к универсальному государству, а затем к упадку и дезинтеграции. Цивилизации - это не политические, а культурные целостности, поэтому они могут включать одну или много политических единиц.

Сложным вопросом цивилизационной парадигмы является выделение общего числа существовавших в истории цивилизаций. Оно варьируется от 23 у А. Тойнби до 9 у Ф. Броделя. В русской философской традиции классификация цивилизаций специально огрубляется делением на западные и восточные, с тем чтобы определить место русской (российской) цивилизации. Уже более 150 лет существуют две точки зрения на природу российской цивилизации. Одни утверждают, что российская цивилизация имеет "догоняющий" характер по отношению к Западу (ее разделяют так называемые западники), другая точка зрения (славянофилов) заключается в том, что российская цивилизация имеет особый путь развития и потому является самобытной евразийской цивилизацией.

Запад отличается от других цивилизаций не столько тем, как он развивался, сколько особым характером его ценностей и институтов. Это особенно относится к христианству, плюрализму, индивидуализму, власти закона. Европа представляет собой "уникальный источник... идей индивидуальной свободы, политической демократии, верховенства закона, прав человека и куль-

турной свободы" [44, с. 146]. Они делают западную цивилизацию уникальной. Краеугольным элементом западной системы является частная собственность, лежащая в основе рыночной экономики.

Восточные цивилизации имеют другую социальную и экономическую природу. Отсутствие полноценной частной собственности, нераздельность собственности и административной власти при несомненном доминировании последней, властные отношения как всеобщий эквивалент, как мера любых социальных отношений, экономическое и политическое господство (часто деспотическое) бюрократии - вот определяющие черты восточных обществ. Кодексы восточных империй - обычно длинные и подробные перечни обязанностей подданных перед государством, своды административных ограничений их жизненной и хозяйственной деятельности, в которые вкраплены немногочисленные права собственника [10, с. 12-13].

Российская цивилизация находится между Западом и Востоком, как в географическом смысле, так и в общественном. Ее формы государственного устройства и хозяйственной деятельности отличны и от чисто западных и от чисто восточных аналогов, в то же время в российской жизни присутствует синтез, как бы диалог двух культур "запад - восток". Именно это породило бесчисленную литературу и бесконечные дискуссии о природе российской цивилизации и о траектории ее социального движения - вдогонку Западу или по своему особому пути. "Самобытничество, как известно, настаивает на теме принципиальной цивилизационной особенности России... Западническое мышление подчеркивает "недоразвитость" (с элементами патологии) России на пути поступательного развития некоей универсальной цивилизации" [17, с.165].

К характерным чертам российской цивилизации чаще всего относят следующие:

- "Промежуточный" характер российской цивилизации, дающий ей другое название - евразийская. В такой трактовке российская культура имеет гетерогенный характер, соединяя в себе европейское личностное и азиатское общинное начала. Промежуточный характер российской цивилизации также выра-

жается в неспособности к устойчивому развитию ни на основе азиатской, традиционалистской модели цивилизации, ни на основе европейской, модернизационной ее модели.

В противовес концепции России как "Евразии" предлагается рассматривать и возможность существования феномена российской "Азиопы" - дурного синтеза цивилизаций, периодически ведущего к варваризации России [17]. В предельно формализованном виде, механизм этот сводится к следующему: в России на историческом перекрестке культур как бы сталкиваются два типа социальности - индивидно-продуктивный, характерный для Запада, и корпоративно-распределительный, типичный для традиционных цивилизаций Востока. В результате рождается "третье качество" - ситуация непродуктивной индивидности. Эти "атомизированные индивиды" не связываются продуктивной, вещной, гражданской связью, а превращаются в "перекати - поле", остаются по сути элементами прежней распределительной, но уже не корпоративно-регламентированной, а хаотизированной системы. Именно такой результат обозначают как "социальная деградация", "новое варварство", "историческая патология" [17, с. 172].

- «Расколотый» характер российской цивилизации также признается в качестве ее характерной черты (см. например, [2]). В «расколотых» странах преобладает одна цивилизация, но их лидеры хотят изменить цивилизационную идентичность. Люди из «расколотых» цивилизаций согласны между собой в том, что они собой представляют, но расходятся в представлениях, какую цивилизацию считать своей. "Россия была расколотой страной со времен Петра Великого, мнения там расходились относительно того, является ли страна частью западной цивилизации или сердцевинной особой евразийской православной цивилизации" [44, с. 132].

- Особенностью российской цивилизации принято считать и ее хозяйственную организацию и определенный тип сложившихся ценностей. В литературе подчеркивается преобладание духовно-нравственных приоритетов жизни над материальными, направленность не на потребительскую экспансию, не на максимизацию капитала и прибыли, а на обеспечение самодоста-

точности, преобладание моральных форм понуждения к труду над материальными. Все это замешано на приоритетных ценностях - (Государство и Служение) - выраженных формулой: государство обязано решать проблемы народа - народ обязан служить государству.

- Много внимания уделяется и вопросам русского менталитета и особенностям русской души, создающим "дух" русской цивилизации. Подчеркивается, что российский тип сознания отличается особым религиозно-манихейским радикализмом: русского человека трудно подвинуть на дело во имя повседневности, душа его взыскует "великих идей" и целей, и только в их контексте он готов признавать и оправдывать повседневность.

В рамках цивилизационной парадигмы большое значение придается вопросам взаимодействия различных цивилизаций, особенно западных и незападных. Этот вопрос носит практический характер и для российской цивилизации. Экспансия Запада способствовала модернизации и вестернизации незападных обществ. Ответ их лидеров на западное влияние принимал одну из трех форм: отвержение как вестернизации, так и модернизации, принятие того и другого, принятие модернизации и отказ от вестернизации.

Выявлена общая закономерность этого процесса: на ранних стадиях перемен вестернизация помогает модернизации, на более поздних - модернизация двояким образом способствует девестернизации и возрождению местной культуры. На уровне общества модернизация увеличивает его экономическую, военную и политическую мощь и укрепляет доверие людей к собственной культуре, делает их более уверенными в культурном отношении. На личном уровне модернизация рождает ощущение отчуждения и аномию, поскольку разрушаются традиционные связи и общественные взаимоотношения. Возникает кризис идентичности, ответ на который дает религия.

Теория заимствования, разработанная в рамках цивилизационной парадигмы, подчеркивает пределы, в которых цивилизации-реципиенты избирательно заимствуют отдельные элементы у других цивилизаций, приспособливают, преобразуют и ассимилируют их, чтобы укрепить и обеспечить собственное

выживание. Исторический и современный материал по преобразованиям российского общества наглядно иллюстрирует этот вывод.

Цивилизационная парадигма в отличие от формационной позволяет значительно лучше осмыслить общественное и хозяйственное развитие России. Она концентрирует внимание на собственно российских реалиях, опирается на всю историческую траекторию развития российского общества, позволяет комплексно рассматривать социальные, экономические, политические и культурные явления русской жизни, вскрывает дилемму общественно-хозяйственного развития России. Вместе с тем цивилизационная парадигма не является достаточной для выявления закономерностей хозяйственного и общественного развития России. Ее понятия для этого слишком "философичны", предельно абстрактны и обобщенны. Она - лишь необходимое условие для создания теории хозяйственного развития России, поскольку дает правильные методологические ориентиры и угол зрения.

3. Экономико-антропологический подход

Экономико-антропологический подход, в рамках которого осуществляется изучение общественного и хозяйственного устройства древних обществ (чаще всего - восточных), находится на пересечении двух первых рассмотренных парадигм - цивилизационной и формационной.

В основе экономико-антропологического подхода лежит категория "азиатского способа производства", введенная К.Марксом, как полагают, для того, чтобы подчеркнуть глубокое своеобразие общественных структур на Востоке и способов их функционирования, своеобразие, которого он не мог не видеть и которое не вмещалось в рамки схемы формаций. Поэтому экономико-антропологический подход как бы "отпочковался" от формационного с целью верификации гипотезы о том, что на Востоке наблюдалась не последовательная смена социальных систем, а их устойчивость и неизменность.

В то же время, последовательная разработка концепции азиатского способа производства привела к выводу о существовании принципиально разных цивилизационных линий в развитии Запада и Востока. В цивилизационной парадигме концепция азиатского способа производства используется для описания восточных цивилизаций.

Целенаправленно экономико-антропологический подход используется для выявления подлинной сущности и природы "реального социализма" путем сравнения экономического и общественного устройства древних азиатских систем с существовавшими до недавнего времени плановыми экономиками. «Вполне возможно, что планируемая, контролируемая государством экономика... ближе к образцам Древнего Востока, возникшим пять тысяч лет назад, чем к тем идеалам, основы которых были заложены в начале железного века" [50, с.6].

Концепция "азиатского способа производства" также служит инструментом анализа общественного и хозяйственного устройства России на разных исторических этапах. Исследователи экономико-антропологического подхода находят черты азиатского способа производства как в древности, так и в со-

временной жизни России. "Для нас все еще актуален анализ "азиатского способа производства", данный Марксом, потому что этот анализ, к сожалению, имел слишком близкое отношение к социально-экономическим реалиям нашей страны (России)" [10, с. 11]. Некоторые из исследователей, наиболее последовательные и ортодоксальные, описывают развитие России исключительно в терминах азиатского способа производства и именно с этим типом общества связывают все негативные стороны российской жизни. Более того, они поставили перед собой задачу "вычленив глубинную модель, своеобразную "кристаллическую решетку", общую и для Древнего Египта и для "реального социализма" [41, с. 5].

После многочисленных дискуссий было выработано понимание азиатского способа производства и выделены его сущностные черты. К ним прежде всего относятся:

- отсутствие частной собственности: "то, что характеризует все эти этапы развития азиатского способа производства, все его формы и модификации, - это почти полное отсутствие частной собственности как системы отношений" [50, с. 243];
- незначительная роль торговли: товарооборот и товарообмен при азиатском способе производства играл второстепенную роль, охватывал лишь "дополнительные продукты питания" из числа потребляемых общинами;
- особый способ эксплуатации - поголовное рабство, такая эксплуатация осуществляется через посредство коллективов, образуемых сельскими общинами; при подобной форме эксплуатации человека требуется централизованное авторитарное руководство, деспотический режим;
- ведущая роль государства: оно как "высшее единство" эксплуатирует сельские общины, непосредственно контролирует основные средства производства;
- деление на классы имеет своей основой не собственность на средства производства, а "общественно полезные функции".

В процессе функционирования азиатского способа производства исследователями выделяются как стабильные пе-

риоды, так и периоды преобразований. В эти трансформационные периоды чиновники стараются конвертировать свою власть в собственность. Предоставленные за службу наделы земли наследуются ими, а затем начинают продаваться. Земля, формально государственная, доходы от которой должны обеспечить государственные нужды, на деле продается и покупается, концентрируется у богатых чиновников. Такая приватизация разлагает, ослабляет государство, но отнюдь не меняет его тип. В рамках такой "перестройки" существующей системы не происходит формирование института настоящей легитимной частной собственности. Происходит лишь дележ разграбленной государственной собственности государственными чиновниками. Истощенное государство в конце концов рушится. Новый государь вновь восстанавливает эффективность централизованной власти, перераспределяет частные земли, ужесточает контроль за землепользованием. На места покоренных вассалов приходят назначенные начальники. Доходы государства растут. А через пару поколений чиновники вновь начинают приватизировать государственную собственность. Ярче всего такой династический цикл виден в истории Китая, но также он наблюдается и в Египте, и в государствах Средней и Западной Азии [10, с. 15-16].

Для изучения общественных отношений в древних государствах Востока, относящихся к системам с азиатским способом производства, экономическим антропологом К. Поланьи был разработан более "тонкий" понятийный инструментарий. В его "редистрибутивной концепции" противопоставляются отношения товарообмена - как основы европейской парадигмы общественного развития и редистрибуции - структурной матрицы азиатского, неевропейского типа развития.

Объектами редистрибуции в восточных обществах выступали природные факторы производства: как вещные (земля, вода и т.д.), так и людские (рабочая сила), продукты производства в виде потребительных стоимостей и деньги. В структуре редистрибутивных отношений выделяется три этапа:

1. "Восходящая" редистрибуция, выражающаяся в изъятии центральной властью продукта по вертикали снизу вверх.

2. Концентрация и хранение продукта, при котором происходит изменение в правах присвоения.
3. "Нисходящая" редистрибуция - перераспределение изъятых продукта на нужды армии, бюрократии, на содержание рабочей силы, на общественные работы и т.д.

Для обслуживания системы редистрибутивных отношений создавалась соответствующая инфраструктура. К ней относились каналы, дороги, терминалы, склады, а также система контроля, учета и планирования. Деньги в редистрибутивных системах использовались для учета и количественного выражения потребительных стоимостей, хранящихся на государственных складах и для их планового перемещения.

Концепция "редистрибутивной экономики" обогатила экономико-антропологический подход и помогла сформировать более детальную картину социально-экономической жизни восточных государств, однако все же оказалась недостаточной для вскрытия законов функционирования обществ, разделенных тысячелетиями. Во многом это связано с тем, что К.Поланьи, занимавшийся исследованиями исключительно архаичных и древних социумов, не применял свой метод к современным индустриальным обществам. Попытки применения этой концепции к России оказались, на мой взгляд, крайне неудачными, поскольку строились лишь на прямолинейных аналогиях и сравнениях "восточных деспотий" и российского общества. Такой способ анализа хозяйственной и общественной жизни России не приводит к выявлению закономерностей развития ее рыночной экономики, а только констатирует тупиковое направление в ее развитии.

В целом можно констатировать, что экономико-антропологический подход к анализу общественной и хозяйственной жизни России практически себя исчерпал. Прежде всего, это связано с тем, что сама концепция азиатского способа производства так и не была развита, обогащена и конкретизирована, а также не были выявлены сущность, глубинные закономерности азиатского способа производства. "Чем дальше развевалась дискуссия, тем более очевидным становилось, что о

самой категории азиатского способа производства больше сказать нечего" [18, с. 88].

4. Экономический подход

Экономический подход отличается от экономико-антропологического тем, что за основу анализа берется современная экономическая система, разрабатывается определенная концепция, а затем на ее основе делается ретроспективная проекция в прошлое. В то время как экономико-антропологический подход за аналитическую основу берет древние общества и проводит параллели с современной рыночной экономикой.

Экономический подход, после того как была отвергнута нормативная концепция "плановой социалистической экономики", пытается ответить на вопрос: в чем сущность советской экономической системы и каковы ее перспективы. В рамках этого подхода разработано несколько концепций: "административно-командная система", "бюрократический рынок", "экономика дефицита".

Под административно-командной системой понимается иерархическая система принятия решений, руководства и подчинения. Согласно этой концепции, советская экономика управляется сверху директивными органами. Генеральный секретарь КПСС, Председатель Совета Министров СССР, Госплан СССР разрабатывают планы или их основные направления. Затем эти планы, спускаясь по иерархиям вниз к министерствам, главкам, объединениям и предприятиям, конкретизируются и превращаются, наконец, в производственные задания предприятиям. Так административно-командная система управляла страной.

К основным характеристикам административно-командной системы относили:

- огосударствление всех сторон общественной жизни;
- неукоснительное, безоговорочное осуществление решений сверху вниз, по вертикали;

- абсолютный приоритет административных рычагов над экономическими, идеологических представлений - над культурными, духовными ценностями;

- разветвленный бюрократический аппарат как исполнительский механизм, обеспечивающий выполнение решений.

Периодизация советской экономической истории в рамках концепции административно-командной системы выглядела следующим образом: до 30-х годов - становление этой системы, 30-50-е годы - расцвет и стабильное функционирование, 60-80-е годы - бюрократизация административно-командной системы и кризис.

Концепция административно-командной системы объясняла пороки, присущие плановой социалистической экономике. В научной литературе много писалось об ограниченности, порочности административно-командной системы, о ее неспособности обеспечить мобилизацию всех резервов роста эффективности производства, несовместимости с научно-техническим прогрессом, своеобразной закономерности ухудшения качества кадров руководителей, вопиющей неэффективности системы тогда, когда масштабы решаемых задач выходят за рамки возможностей "натурального" управления.

Ни одна важная сфера административно-командной экономики не свободна от дефицита. Это - явление хроническое, оно наблюдается постоянно: на рынке потребительских товаров и услуг, в производстве, в распределении рабочей силы, в сфере капитальных вложений и т.д. "Когда в системе проявляется всеобщий, хронический, самовоспроизводящийся, интенсивный дефицит, то такую систему можно назвать экономикой дефицита" [20, с. 20].

Командно-административную экономику Я.Корнаи в своей теории "экономики дефицита" сравнивает с гигантским насосом, который, не считаясь с естественными экономическими тенденциями, по команде перекачивает сырье, материальные и трудовые ресурсы, валюту из одной отрасли в другую, в любом заданном направлении. С помощью этой теории Я. Корнаи утверждает, что постоянный дефицит в плановых экономиках

представляет собой естественное свойство командно-административной системы. Система директивного управления и внеэкономического принуждения порождает повсеместное стремление предприятий и учреждений к расширению своих масштабов, к количественному росту выпускаемой продукции, не считаясь с затратами, а порой и с качеством. Для нее типичными стали пренебрежение к экономической эффективности, постоянный и неутоляемый "инвестиционный голод", огромные сверхнормативные запасы сырья, материалов и оборудования у предприятий.

Я. Корнаи рассматривает командно-административную экономику как иерархическую систему распределения в соответствии с социальным весом отдельных участников экономической жизни. Ее главными экономическими инструментами являются лимитирование и фондирование материальных ресурсов. Цены, заработная плата и другие экономические стимулы слабо влияют на поведение хозяйственных субъектов. Главная причина дефицита, по мнению Я. Корнаи, - "мягкие бюджетные ограничения". Государство выступает в качестве богатой и безотказной страховой компании, готовой компенсировать чуть ли не любые потери предприятий и учреждений, избавляя их от борьбы за свое существование.

В последнее время все чаще используется термин "бюрократический рынок", введенный в отечественную аналитическую литературу В. Найшулем и С. Кордонским. Согласно данной концепции, начиная с 50-х годов, в СССР не существует "административно-командной системы" в прямом смысле этого слова. Такая система существовала в 30-40-е годы, однако, в дальнейшем претерпела процесс распада, в ходе которого отношения между различными силовыми хозяйственно-политическими группами (отраслевыми и территориальными) постепенно превращаются в систему "гетерархических торгов": каждая группа, располагающая определенными ресурсами (материальными, организационными, социально-политическими), оказывает давление на другие группы с целью получения максимальной выгоды. "В отличие от обычного, денежного рынка товаров и услуг на бюрократическом рынке происходит обмен

не только, и даже, пожалуй, не столько материальными ценностями, но и властью, и подчинением, правилами и исключениями из них, положением в обществе и вообще всем тем, что имеет какую-либо ценность" [26, с. 31].

Бюрократический рынок, по мнению авторов этой теории, так же, как и товарно-денежный, обладает стихийной способностью к саморегуляции. То, что на нем происходит, зависит от всех участников торгового процесса вместе и ни от кого в частности. В то же время основой обычного рынка являются экономические права участников, а бюрократического - обязанности. Экономическая активность в одном случае инициируется избытком, а в другом - дефицитом.

Если концепция "административно-командной системы" грешит, с моей точки зрения, описательностью и некоторой поверхностностью в выводах о закономерностях хозяйственного развития России, то концепция "бюрократического рынка" вызывает сомнения относительно правильности осмысления самой сущности явлений, попавших в круг ее внимания. Временные границы этой концепции - 60-80-е годы как раз приходятся на возникновение и углубление кризисных явлений в российской экономике, и потому интерпретация искаженных экономических отношений как самостоятельных и имеющих собственную природу кажется не совсем верной. Причем такие сомнения существуют и у самого автора. "Называя нашу систему бюрократическим рынком, мы немного лукавили...", в действительности была создана система "бюрократический антирынок, в котором процессы управления происходят в обратном по сравнению с обычным рынком направлении" [28, с. 50, 60].

Главный недостаток обеих концепций: и концепции «административно-командной системы» и концепции «бюрократического рынка» в том, что в них не созданы теория и разветвленный категориальный аппарат самого хозяйственного процесса. Они обе просто описывают конкретные явления хозяйственной жизни России в советский период. К примеру, теория рыночной экономики существует в абстрактном, теоретическом виде и в качестве приложения иллюстрируется материалом из конкретных стран. Эти же концепции не имеют сухого, абстракт-

ного остатка, с которым можно было бы соотноситься логически и теоретически.

Кроме того, обе эти концепции сформированы с "близкого" расстояния, в поле их зрения попадают лишь последние 70 лет существования российской экономической системы. А как увязать в терминах этих концепций советский этап со всеми предыдущими, имеется ли какая-то связь между ними? Возникшие сомнения и вопросы побуждают не останавливаться на имеющихся концепциях, а идти дальше в осмыслении хозяйственного развития России во всей ее исторической полноте.

5. Исторический подход

Исторический подход предполагает формирование концептуальных взглядов только на *прошлое* хозяйственного развития России. В его рамках часто используется метод сравнительного анализа общественных и хозяйственных форм, существовавших в России и на Западе. До укоренения формационного подхода в недрах исторической и других общественных науках наиболее распространенной точкой зрения была идея о самобытности исторического пути России, существенном отличии западной и российской траекторий развития. «Мысль о глубоком различии между Россией и Западом объединяет лучших историков, выясняющих: одни - "совершенную самобытность" русской истории, другие - "ее крайнее своеобразие", третьи - ее "полную противоположность" истории западной до резкого "контраста"» [31, с. 5].

Нам бы хотелось остановиться на трех концепциях: "вотчинной концепции" В.О. Ключевского, развитой впоследствии в трудах зарубежного историка Р.Пайпса, "теории контраста" П.Н. Милюкова и теории "русского феодализма" Н.П. Павлова-Сильванского. В них, во-первых, наиболее полно выражены идеи того времени, во-вторых, вместе взятые они представляют достаточно полную картину прошлого хозяйственного развития России, и в-третьих, эти концепции современны и в настоящее время, многие их положения до сих пор включены в научный оборот.

"Вотчинная концепция" Ключевского базируется на предпосылке о совершенном своеобразии русского исторического развития, которому способствовали определенные, отличные от западных, "условия колонизации". Россия, с точки зрения этой концепции, является по своему происхождению вотчинным государством. В таком государстве политическая власть мыслится и отправляется как продолжение права собственности, и властитель является одновременно и сувереном государства и его собственником.

В рамках вотчинной концепции выделяются этапы хозяйственного развития России через генезис, торжество и частич-

ное свертывание вотчинного уклада. Превращение России в вотчину своего правителя заняло два столетия: процесс начался в середине XV в. и завершился в середине XVII в. Ценой гигантских усилий и немалых тягот цари, в конце концов, сумели превратить Россию в огромное поместье царствующего дома. Порядок управления, существовавший некогда в их частных поместьях, приобрел политический характер и постепенно навязывался всей стране, пока не охватил все уголки империи. В этом обширном государстве царь сделался сеньором, население - его холопами, а земля и все прочее доходное имущество - его собственностью. "В дворцовом управлении князь был вотчинником с правами государя, а в областном являлся государем с привычками вотчинника" [31, с. 35]. Следуя поместной практике, московские правители поделили население империи на два основных сословия. Служившие им в войске или в управлении составили служивое сословие. Прочие - земледельцы, ремесленники, торговцы, охотники, рыбаки и всякие работники физического труда - сделались тяглым сословием. Таким вкратце выглядит анатомия вотчинного уклада в России в концепции В.О. Ключевского.

"Вотчинная теория" находила широкую поддержку в научных кругах того времени. "Политический корень" Московского государства, писал историк И.Е. Забелин в 1871г., был исключительно вотчинный, был воспитан и вырос на вотчинном развитии народа, "и сама Москва в смысле государства была не чем иным, как лишь типическим высшим видом старинной русской вотчины. Вот почему и общая государственная политика была, в сущности, только наиболее полным выразителем частных вотчинных отношений" [33, с. 35].

Дополнением к вотчинной теории Ключевского выступает теория контраста Милюкова, в которой не просто подчеркивается своеобразие российского исторического развития, а выводится резкая противоположность между развитием русским и западным.

Европейское общество, рассуждает П.Н. Милюков, строилось нормально, в результате внутреннего процесса, снизу вверх; там средний слой феодальных землевладельцев вы-

рос на плотно сложившемся низшем слое оседлого крестьянства; централизованная государственная власть явилась как высшая надстройка над средним слоем феодальных землевладельцев. У России же общество и государство развивалось наизнанку в сравнении с Западом: там все строилось снизу вверх, а у нас - сверху вниз. Другими словами, в России государственная организация сложилась раньше, чем мог ее создать процесс внутреннего экономического развития. В России центральная политическая власть закрепила под собой военно-служилый класс, а этот служилый класс укрепил под собой крестьянство. По тому же контрасту с Западом шло и позднейшее российское развитие: государственная власть строила общество в связи с внешними причинами, с потребностями внешней самозащиты.

П. Милюков провел детальный анализ финансово-экономической системы России до и после реформы Петра I и при этом вскрыл сущность многих элементов российского хозяйства, показывая глубокие различия в их природе, несмотря на внешнюю схожесть, с подобными элементами хозяйственной системы Запада. Например, он замечал, что "наш оброк есть нечто специально свойственное русской системе и едва ли сравнимое с европейскими остатками средневековой домениальной системы; одинаковый с ней по своей исходной точке, он настолько же отличен в окончательном развитии, насколько отлична московская царская вотчина от европейского сословного государства" [25, с. 18-19]

Теория "феодализма на Руси" Н.П. Павлова-Сильванского отвергала полную противоположность исторического развития хозяйства в России и на Западе. В своих работах он "устанавливает тождество основных начал строя удельной Руси XIII - XV столетия и феодальной Европы" [31, с. 482], проводя точную параллель между отдельными явлениями западного феодализма и русскими удельного периода. Это - вассальные службы, ленное землевладение и раздробление суверенной власти.

До Павлова-Сильванского историческая наука не придавала большого значения своеобразным отношениям, господствующим в Северо-Восточной Руси XIII - XV вв. Одними своими

сторонами этот период сливался с Киевской Русью, другими - с позднейшим Московским государством и была потерянным периодом российской истории как неопределенная промежуточная ступень. После детального сравнения отдельных учреждений русского удельного периода с основными учреждениями феодализма, он убедительно доказал, что эти учреждения по существу своему, по своей природе тождественны друг другу.

В конечном счете историческая наука того времени усвоила эту точку зрения, но с большими оговорками. Она признавала существование в России "родовых черт феодального строя" и в удельном порядке увидела "русский вариант того же строя". Однако, настаивала на том, что "при родовом сходстве не следует терять из виду видовой разницы между русским и европейским феодальным строем" [31, с. 27], вызванным прежде всего несходством исторического процесса. Действительно, после XV века, и по мнению Павлова-Сильванского, утвердился государственный строй, "противоположный феодальным порядкам удельной Руси" [31, с. 482].

Теория "русского феодализма" в трактовке Павлова-Сильванского (не путать с этапом феодализма в формационной парадигме) так и осталась и не отвергнутой, и не признанной. Это было связано с тем, что его теория внесла не дополнение или поправку к существующим воззрениям, а вела к полному разрушению господствующей исторической парадигмы, и потому необходимости ее пересмотра.

С позиций сегодняшнего дня теории, созданные в рамках исторического подхода и активно обсуждавшиеся до "победы" формационной парадигмы, имеют огромное значение. Прежде всего, они дают убедительные доказательства "особости" российской хозяйственной траектории, с одной стороны, а, с другой, также убедительно показывают, что в русской истории существовали определенные периоды экономических отношений крайне похожих на западные. И то, и другое практически не вызывает сомнения, однако до сих пор эти два направления исторической мысли не увязаны в единой теоретической схеме и не объяснен феномен сосуществования разнородных хозяйственных этапов в рамках единой русской истории.

6. Прогрессорский подход

В основе прогрессорского подхода лежит идея общего, единого прогресса и принципиальная однолинейность истории. Особенностью данного подхода является то, что в поле его зрения обязательно попадают все страны мира, а затем упорядочиваются по определенному интегральному критерию. Так, если за критерий рассмотрения принята индустриализация, то все страны классифицируются на доиндустриальные (аграрные), индустриальные и постиндустриальные. Если критерием выступает показатель "экономического роста", в частности валовый национальный доход на душу населения, то все страны упорядочиваются по шкале "развитые - развивающиеся". Этот подход получил большое распространение в западной экономической и социологической литературе.

Авторство концепции "Россия как развивающаяся страна" принадлежит английскому социологу, долго изучавшему дореволюционную Россию, Т.Шанину. По его мнению, "на рубеже XIX и XX вв. Россия стала первой страной, в которой реализовался специфический социальный синдром "развивающегося общества" [49, с. 377].

Оксфордский словарь дает такое определение "развивающегося общества". Это "бедная или примитивная страна, которая находится в процессе развития своих экономических и социальных условий" [49, с. 383]. В 70-80-х годах на страницах зарубежных журналов состоялась дискуссия относительно существования понятий "развитое" и "развивающееся" общество. Однако не удалось выработать общего подхода. Основной водораздел проходит между теми, кто считает, что "развивающиеся общества" представляют собой лишь отсталый вариант "классического" капитализма, не отличаясь от него по сути, и теми, кто считает, что они обладают иной социальной формой, путями развития и потенциалом и требуют соответственно разработки особых теоретических построений.

Эта двойственность позиции присуща и концепции Т. Шанина. С одной стороны, он следует взгляду, что "развивающиеся" страны должны рассматриваться как особая категория форм

социальной организации, и с этой точки зрения подходит к России, а с другой стороны, задается вопросом «была ли Россия "развивающейся страной" в том смысле, какой мы сегодня вкладываем в этот термин, т. е. обществом не только бедным и отсталым, но и проявляющим сильную тенденцию к порождению или сохранению отставания ее экономики и социальной структуры" [49, с. 381].

На мой взгляд, эта концепция достаточно поверхностна, чтобы ее можно было использовать для выявления сущности исторического пути развития России. Возможно, она является эффективным инструментом для международных экономических организаций при проведении определенной политики по отношению к развивающимся странам. Однако не следовало бы проводить далеко идущие аналогии между теми странами, которые попали в одну группу по показателям экономического благополучия. И, в частности, сравнивать Россию с Латинской Америкой - что в последнее время "становится общим местом российской политической публицистики и прессы" [9, с. 43].

Сравнительные исследования России с латиноамериканскими странами в рамках концепции "развивающееся общество" в настоящее время получили широкое распространение с целью извлечения опыта модернизации в условиях экономической и политической нестабильности, социальной поляризации и дезинтеграции. Сторонники такого рода сравнений считают, что это "дает более адекватную картину российского краткосрочного будущего, чем проекция идеализированных европейской и американской моделей на российскую ситуацию," с одной стороны, а с другой - "свидетельствует о разрешимости, хотя бы частичной, экономических и политических коллизий весьма сходных с теми, которые в России кажутся безысходными и неизбежно ведущими к катастрофе" [9, с. 43].

В то же время многие исследователи, в их числе и автор данной работы, вообще считают неправомерным само сравнение России с Латинской Америкой. Прежде всего, потому что существуют серьезные различия в характере и глубине социально-экономических преобразований, переживаемых сейчас Россией и странами Латинской Америки. Эти различия связаны

со спецификой исходной, подлежащей трансформации системы: социалистической, высокомонополизированной, полностью огосударственной экономикой, с характерным для нее высоким уровнем внутренней целостности и взаимной обусловленности отдельных частей в России и капиталистической, насчитывающей уже более чем полуторавековую историю, с низким уровнем государственного вмешательства - в странах Латинской Америки.

Расположение России на индустриальной шкале осуществляется в концепции "советской индустриальной системы" А. Белоусова. Индустриальная система - это экономика, рассматриваемая в одном из ее аспектов, а именно в аспекте воспроизводства и включающая ресурсно-технологическую базу; субъектов, организующих хозяйственную среду в соответствии со своими целями; "правила игры", по которым она функционирует [4, с. 7]. Согласно этой концепции, индустриальная система находится в постоянном развитии, в ходе которого возникают периоды глубокой трансформации и модернизации.

Модернизация индустриальной системы - многоаспектный процесс, затрагивающий все ее элементы. В 50-60-е годы в теориях модернизации явно доминировал "технократический" подход: главным считалась согласованность между технологическими, образовательными, институциональными и организационными элементами индустриальной системы. В 80-х годах стал доминировать социокультурный подход: в качестве ключевой позиции стало рассматриваться согласование технико-организационных преобразований с социокультурными ценностями.

С точки зрения индустриальной концепции, в 90-е годы Россия переживает системный кризис индустриальной системы, которая характеризуется утяжеленной производственной структурой, несопряженностью технологических укладов, избыточными затратами и потерями ресурсов, деградирующим производственным аппаратом.

Кризис советской индустриальной системы, принявший в 70-80-х годах скрытую, а в 90-х годах - открытую формы, генетически связан с теми успехами, которые советская экономика

демонстрировала в 50-е и 60-е годы. Мощный ресурсный и технологический потенциал, созданный в 30-40-е годы, позволял в течение длительного времени успешно совмещать реализацию крупномасштабных целей: развертывания военно-стратегических программ и повышения жизненного уровня населения. Однако созданная в этот период индустриальная система оказалась неспособной противостоять социальным, ресурсным, военно-политическим вызовам 70-80-х годов, что в конечном счете привело к ее коллапсу.

Суть структурного кризиса советской индустриальной системы состояла в том, что сложился устойчивый, самовоспроизводящийся комплекс ресурсных ограничений, который обуславливал одновременно замедление экономического роста и падение его эффективности, технологическую деградацию. Образовалась "структурная ловушка", характеристику которой дал академик Ю.В. Яременко: "Вся система жизнеобеспечения страны была страшно ресурснорасточительна. Мы все время что-то строили, закачивали в эту сферу колоссальные объемы ресурсов. Но поскольку эти ресурсы были низкого качества, все, что мы строили, почти сразу разваливалось. Вследствие этого мы продолжали строить, в громадных масштабах перепотребляя первичные ресурсы. Экономика не могла выдержать такого режима" [4, с.25].

В общем, не претендуя на глобальные обобщения, концепция "индустриальной системы" в России вскрывает современные структурные диспропорции и дает фундаментальную основу для анализа и разработки промышленной и технологической стратегии.

Прогрессорский подход в целом дает возможность увидеть особенности развития хозяйства России на фоне многочисленных стран мировой экономической системы, лучше понять и специфику развития российского общества и общие закономерности. Вместе с тем этот подход страдает некоторой однобокостью в оценках экономического развития России и приводит зачастую к некорректным межстрановым сравнениям.

Глава 2

Институционализм как методология изучения хозяйственного развития

1. Этапы в развитии институционализма

На рубеже XIX-XX вв. в западной экономической науке сложился комплекс идей, означавших радикальный разрыв с базовыми постулатами ортодоксальной теории, но вместе с тем остававшихся в рамках рыночной парадигмы - институционализм.

В развитии институционализма выделяется, на наш взгляд, три волны. Первая - "старый" институционализм (1898-1940 гг.), ее представители Т. Веблен, У. Митчелл, Дж. Коммонс, У. Гамильтон, вторая - "новая институциональная экономика" (60-70-е годы) - Р. Коуз, М. Олсон, Р. Познер, О. Уильямсон, Г. Демзец, Р. Нельсон, С. Уинтер и др., третья волна - "новейший институциональный подход" к изучению общества и хозяйства (90-е годы) - Д. Норт, Дж.М. Ходжсон.

Каждый этап развития институционализма сопровождался обновлением методологии и теоретического ядра. В итоге трем этапам его развития соответствуют три самостоятельных направления: *старый* институционализм, *новая* институциональная экономика и *новейший* институциональный подход. Все они по-разному понимают категорию "института", по-разному формулируют исходный пункт анализа, по-разному соотносятся с неоклассической теорией.

Понимание института. В рамках старого институционализма институт определяется через категорию обычаев. Так, Веблен трактует институты как "установившиеся обычаи мышления, общие для данной общности людей". Гамильтон, развивая эту идею, определяет институт как "в некотором отношении преобладающего и неизменного способа мышления или действий, покоящегося на обычаях группы людей или целого народа". Таким образом, институты здесь рассматриваются прежде всего как социально-психологические феномены, замешанные на привычках, обычаях, инстинктах.

Концепция обычая - это центральный момент *старого* институционализма. При этом обычай понимался как более или менее самопроизвольная склонность или тенденция к участию в ранее признанном или благоприобретенном виде действия.

Обычаи суть форма неререфлексивного поведения, возникающая в повторяющихся ситуациях; они формируются под воздействием предшествующей деятельности и обладают способностью к самосохранению.

Представители *новой* институциональной экономики тщательно разводили концепции института и обычая. Так, Шоттер пишет: "Социальный институт - это закономерность общественного поведения, которая признана всеми членами общества, обуславливает поведение в определенных повторяющихся ситуациях и либо самоконтролируется, либо контролируется некоторой внешней властью". Институты в данной школе трактуются как нормы и правила поведения. При этом, таким образом понимаемые институты появляются в результате взаимодействия между индивидуумами. В связи с этим предлагается рассматривать "экономическую науку как исследование способов, которыми индивидуальные экономические агенты, преследуя свои эгоистические цели, развивают институты как средство их достижения" [47, с. 44].

В рамках *новейшего* институционального подхода происходит отделение анализа правил игры от стратегии игроков и тем самым отмежевание от постулатов *новой* институциональной экономики. По определению Д. Норта, институты - это "правила игры" в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют отношения между людьми. К важнейшим свойствам институтов, с точки зрения этого подхода, относятся следующие:

- институты представляют собой рамки, в пределах которых люди взаимодействуют друг с другом;
- институты уменьшают неопределенность, структурируя повседневную жизнь;
- институты определяют и ограничивают набор альтернатив, которые имеются у каждого человека;
- институты задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия;
- институты невозможно увидеть, почувствовать, пощупать и даже измерить.

Новейший институциональный подход четко разводит институты и организации, что не делается в новой институциональной экономике. Согласно концепции *новейшего* институционального подхода, в понятие организация входят политические органы и учреждения, экономические структуры, общественные и образовательные учреждения. Институциональные рамки оказывают решающее влияние и на то, какие именно организации возникают, и на то, как они развиваются. Но в свою очередь и организации оказывают влияние на процесс изменения институциональных рамок. Организации создаются для достижения определенных целей благодаря тому, что существующий набор институциональных ограничений создает возможности для соответствующей деятельности. Поэтому в процессе движения к цели организации выступают главными агентами институциональных изменений. Другими словами, институциональные ограничения ведут к образованию вполне определенных организаций, структурирующих взаимодействие в обществе. Эти организации возникают на основе стимулов, заложенных в институциональной системе, а потому результативность их деятельности зависит от этой системы.

Методологические основания. Различия между тремя этапами развития институционализма проявляются не только в понимании института, но и в методологических основаниях, т.е. при ответе на вопросы: откуда берутся институты, как они развиваются и каким образом институционализируют человеческую деятельность.

Старый институционализм базировался на следующих логических построениях. Когда обычаи становятся общими для группы или социальной культуры, они вырастают в рутины или традиции. Как правило, обычаи внедряются в других индивидах повторными имитациями социальных традиций или рутин. Этим замыкается самоусилительный контур: частные обычаи распространяются по всему обществу, что приводит к возникновению и укреплению институтов; институты вскармливают и укрепляют частные обычаи и передают их новым элементам данной группы. Как показывал Веблен, при этом оказываются задействованы процессы "отбора": "Сегодняшняя ситуация

формирует завтрашние институты посредством отбора и принуждения, путем воздействия на привычные представления людей или закрепления точки зрения или умственного восприятия, привнесенных из прошлого" [47, с. 41].

Обычаи как институты в понимании *старого* институционализма устойчивы и инертны, они стремятся сохранять свои характеристики и таким образом "передавать их дальше", от настоящего в будущее и от института к институту. Знания и умения оказываются частично укорененными в обычаях. В этом смысле обычаи обладают свойствами, аналогичными "информационной верности" живого гена.

В то же время институты могут изменяться, у них нет ничего похожего на постоянство гена. Подчеркивается лишь относительная инвариантность и самоусилительный характер институтов. Институты придают форму и социальную согласованность человеческой деятельности, в том числе и путем непрерывного воспроизводства стереотипов мышления и деятельности.

Отделив институты от обычая *новая* институциональная экономика сформировала новые методологические основы. Стрелка объяснения направлена от индивидуумов к институтам, индивидуумы принимаются за данное, им отдается онтологический приоритет. При этом предполагается некое исходное "природное состояние", свободное от институтов. "Типичная новоинституциональная программа являет попытку объяснить существование институтов типа фирмы или государства с помощью модели рационального индивидуального поведения, трактуя непредвиденные последствия в терминах взаимодействий между людьми" [47, с. 44].

Новейший институциональный подход отверг методологические посылки "новой институциональной экономики" на том основании, что, по их мнению, исходный пункт объяснений не может быть свободен от институтов. Вопрос о возникновении институтов из некоего воображаемого первичного мира, где есть индивидуумы, но нет институтов, сам по себе ошибочен. Переформулированная программа делает упор на эволюцию инсти-

тутов отчасти из других институтов, а не из гипотетического свободного от институтов "природного состояния".

Согласно Д. Норту, "институты создаются людьми. Люди развивают и изменяют институты. В то же время ограничения, накладываемые институтами на человеческий выбор, оказывают влияние на самого индивида" [28, с. 20]. Мысль о том, что "институты и формируют индивидуумов, и формируются ими," усиливается Дж. Ходжсоном. "Институты не просто ограничивают индивидуумов и воздействуют на них. Наряду с нашим природным окружением и нашей биологической наследственностью, институты формируют нас как социальных существ. Они - наша социально-экономическая плоть и кровь" [47, с. 66].

Новейший институциональный подход не мыслит свои исследования без включения в институциональный анализ исторического прошлого. "Экономическая история опирается на неструктурированное множество частей и осколков теории и статистики, она не в состоянии произвести обобщения или анализ, которые выходили бы за рамки конкретного исторического сюжета. Включение институтов в историю позволяет составить гораздо лучшее изложение, чем без институтов, поскольку она (история) предстает перед нами как континуум и последовательность институциональных изменений, т.е. в эволюционном виде" [28, с. 167].

Такой подход вытекает из ключевого пункта анализа. Институты образуют базисную структуру, опираясь на которую люди на протяжении всей истории создавали порядок. Институты связывают прошлое с настоящим и будущим, так что история становится процессом преимущественно инкрементного (непрерывного) институционального развития, а функционирование экономических систем на протяжении длительных исторических периодов становится понятным только как часть разворачивающегося институционального процесса. Зависимость от траектории предшествующего развития означает, что история имеет значение. Нельзя понять альтернативы, с которыми мы сталкиваемся сегодня, и определить их содержание, не проследив путь инкрементного развития институтов, для которых типично

перетекание, обычно весьма полное, содержания старых институтов в новые.

Отношения институционализма и неоклассики. Все три направления институционализма по-разному относились к "мэйнстриму" - основному руслу западной экономики - неоклассической теории.

Между *старым* институционализмом и неоклассикой начала века существовала сильная конфронтация. По существу *старый* институционализм и возник как "реакция на внеисторическую и механистическую трактовку экономической деятельности со стороны ортодоксальной доктрины" [27, с. 10]. Эта конфронтация вызвала жесткие оценки результатов деятельности представителей *старого* институционализма со стороны ортодоксальных экономистов. Институциональная экономика была названа "интеллектуальной фикцией", "жалким стремлением к диссидентству по отношению к ортодоксальной экономической науке", "странной смесью великолепных методологических тезисов и убогого анализа ad hoc.", произведшей "груды описательного материала, ожидающего теоретического осмысления или сожжения" и т.д. [47, с. 31–32].

Новый институционализм находится в большем согласии с неоклассической теорией, он скорее пытается расширить ее возможности за счет обращения к анализу экономических институтов. Основное внимание новых институционалистов привлекают понятия прав собственности и транзакционных издержек. Такая позиция обусловлена близостью методологических оснований. Следуя традиции ортодоксальной теории, *новые* институционалисты видят первичный элемент экономического анализа в абстрактном и индивидуалистическом субъекте с практически неизменными предпочтениями, а организации, право и др. выводят из непосредственного взаимодействия между индивидами. В результате сближения неоклассики с новым институционализмом появилась большая область исследования экономической науки "институциональные аспекты рыночного хозяйства", которую в настоящее время преподают студентам.

Новейший институциональный подход признает, что в настоящее время отношения между институционально-

эволюционной теорией и неоклассикой гораздо сложнее, чем во времена старого институционализма, агрессивность которого была вызвана стремлением утвердить новые принципы и подходы в научном сообществе. Институционально-эволюционная теория значительно шире, чем неоклассическая, и по объекту анализа и по методологии. Это позволяет рассматривать неоклассику, как теорию, которая дает упрощенное видение экономических процессов, что далеко не равнозначно искаженному видению. Соотношение институционализма и неоклассики еще более определенно выразил Дж. Ходжсон: "неоклассическая экономика суть частный случай институциональной экономики" [47, с. 55].

В отличие от *новых* институционалистов *новейшие* не просто подчеркивают важность институтов, но рассматривают их в качестве полноправных объектов экономического анализа. Уже тот факт, что институты демонстрируют постоянство в течение длительных промежутков времени и могут жить дольше, чем индивидуумы, является одной из причин выбора институтов, а не индивидуумов, в качестве основополагающей единицы. По мнению новейших институционалистов, институты заполняют существенный концептуальный пробел. Институты являются как "субъективными" идеями в головах агентов, так и "объективными" структурами, с которыми эти агенты сталкиваются. Понятие института связывает микроэкономический мир индивидуального действия, обычая и выбора с макроэкономической сферой, казалось бы, отстраненных и безликих структур. Выбор института в качестве единицы анализа не обязательно подразумевает подчинение роли индивидуума господству институтов. Индивидуумы и институты взаимно конституируют друг друга.

2. Методологический потенциал институционализма

Практически за сто лет институционализм не только сумел "помириться" с неоклассической теорией, но и сформировал глубокий интеллектуальный багаж.

Старый институционализм обычно критикуется за то, что "ему не удалось выработать единой методологии и четкой системы понятий" [35, с. 22]. В то же время именно представителями этого направления были выдвинуты две ключевые темы, без которых современная экономическая наука не может обойтись:

- обусловленность действий людей институтами;
- институты как возможные основы или единицы анализа.

Новый институционализм обогатил экономическую теорию понятиями прав собственности и трансакционных издержек. В традиционном понимании собственность рассматривается как абсолютное право на ресурсы. Теория прав собственности утверждает, что неправомерно отождествлять собственность с материальными объектами, она представляет собой "пучки" прав на соотношение действий с этими объектами: использовать их, присваивать получаемый от них доход, изменять их форму и местонахождение. Главный тезис этой теории состоит в том, что структура прав собственности воздействует на распределение и использование ресурсов.

Новая институциональная теория вводит также в качестве ключевого понятия трансакционные издержки, которые складываются из затрат на поиск и приобретение информации, переговоры и принятие решений, проверку и обеспечение их выполнения. С измерением этих издержек возникают немалые проблемы, но использование данной категории позволяет обратиться к анализу контрактных отношений. В институциональной экономической теории человек выступает как контрактор. Именно контрактные отношения становятся эффективными средствами обмена "пучками" прав собственности.

Новейший институциональный подход пытается преодолеть внеисторические рассуждения нового институционализма и

ставит перед собой задачу "выработки теоретической схемы для анализа исторически обусловленных препятствий на пути экономического роста" [35, с. 31]. Методологическая программа *новейшего* институционального подхода, сумевшего синтезировать все необходимое из старого и нового институционализма, показывает направления будущего развития институционально-эволюционной теории.

Горизонтом этой работы видится разрешение "главной загадки человеческой истории - как объяснить широкую дивергенцию (расхождение) траекторий исторических изменений. Как случилось, что общества стали развиваться по расходящимся историческим траекториям? Почему общества так отличаются друг от друга? Ведь все мы, в конце концов, произошли от первобытных сообществ охотников и собирателей. Расхождение исторических траекторий тем более ставит нас в тупик, когда мы пытаемся рассматривать мировой исторический процесс со стандартных позиций неоклассической доктрины" [28, с. 21-22].

Итак, с точки зрения *новейшего* институционального подхода, понимание того, как функционирует экономическая система, требует учета очень сложных взаимосвязей между обществом и экономикой. Взаимоотношения между обществом и экономикой определяются набором институциональных ограничений, которые определяют способ функционирования экономической системы. Институты являются ключом к пониманию взаимоотношений между обществом и экономикой и влияния этих взаимоотношений на экономический рост (или стагнацию и упадок). В конечном счете институты выступают фундаментальными факторами функционирования экономических систем в долгосрочной перспективе.

В рамках *новейшего* институционального подхода разработаны основные категории, которые, будучи собранными вместе, отражают существо данного подхода и которые могут быть использованы для разработки институциональной теории хозяйственного развития России. К ним относятся следующие положения:

- Эффективная институциональная система - это такая институциональная система, которая обеспечивает экономический рост.

- Устойчивость институтов нисколько не противоречит тому факту, что они претерпевают изменения. Развиваются все институты. Институциональные изменения определяют то, как общества развиваются во времени и, таким образом, являются ключом к пониманию исторических перемен.

- Зависимость от траектории предшествующего развития возникает из-за действия механизмов самоподдержания институтов, которые (механизмы) закрепляют однажды выбранное направление развития. Прерывистое равновесие - это представление социально-экономического развития в виде последовательности периодов институциональной непрерывности, перемежающихся периодами кризисов и более крутых изменений.

- Идеи и идеологии имеют значение, а институты в решающей степени определяют, насколько велико это значение. Идеи и идеологии формируют субъективные ментальные конструкции, с помощью которых индивиды интерпретируют окружающий мир и делают выбор.

- Огромное значение имеет история. Она имеет значение не просто потому, что можно извлечь уроки из прошлого, но и потому, что настоящее и будущее связаны с прошлым непрерывностью институтов общества. Выбор, который делается сегодня или завтра, сформирован прошлым. А прошлое может быть понято только как процесс институционального развития.

- Институциональный подход снимает вопрос общего и особенного пути развития той или иной страны, поскольку предполагается существование индивидуальной институциональной матрицы у каждой страны, а именно - переплетение взаимосвязанных формальных правил и неформальных ограничений, ведущих экономику каждой страны по своему пути, отличному от пути развития другой страны.

- Общность заимствованных «правил игры» в странах с различными институциональными системами ведет к существенно разным последствиям. Хотя правила те же самые, но ме-

ханизмы и практика контроля за соблюдением этих правил, нормы поведения и субъективные модели игроков другие. Следовательно, другими становятся и реальная система стимулов, и субъективная оценка игроками последствий принимаемых решений.

- Рынок рассматривается как определенная институциональная структура, охватывающая законы, «правила игры» и, что наиболее важно, определенный тип поведения, отношений и связей. Все остальное - это неэффективная имитация рыночной деятельности, это инерция развития, стихия, не поддающаяся пока регулированию со стороны общества и государства.

В целом институциональный подход имеет одну очень важную особенность. Суть этого свойства заключается в том, что в рамках институционального подхода одновременно (т. е. у одного автора) совмещается теоретическая работа, исторические исследования и анализ ситуаций на конкретных объектах. Это связано с теми задачами, которые ставит перед собой институционализм: "результатом может стать выработка теории, которая позволит соединить микроуровень человеческой деятельности с макроуровнем побудительных мотивов, образованных институциональной системой" [28, с. 144].

Триединой характеристикой ("теория - история - конкретная ситуация") своих исследований отличались все известные институционалисты. Т. Веблен изучал престижное потребление, У. Митчел занимался изучением прикладных вопросов экономической динамики, в том числе хозяйственного цикла и денежного обращения, в контексте деятельности публичных и частных организаций. Уильямсон исследовал многолетний опыт отношений крупной японской корпорации "Тойота" с субподрядчиками. Д. Норт применял институциональный подход к жилищному рынку США. В среде институционалистов сложилось убеждение, что "ученые часто прибегают к анализу конкретных ситуаций не потому, что они считаются репрезентативными, а потому, что позволяют наиболее ярко и особо драматическим образом проиллюстрировать рассматриваемые проблемы" [42, с. 204].

3. Институты как предметная область экономической социологии

Проблематика институтов в социологии играла такую же существенную роль как и в экономике. Институционализм в социологии представлен такими крупными социологами как Э. Дюркгейм (1858-1917 гг.), который рассматривал институты в качестве предмета социологии. "Можно назвать институтом все верования, все способы поведения, установленные группой. Социологию тогда можно определить как науку об институтах, их генезисе и функционировании" [14, с. 405]. При этом, институты им понимались в духе вебленовской традиции, основателя *старого* институционализма, т.е. институты как обычаи: "когда дело касается института, юридического или нравственного правила, установившегося обычая..., нужно отказаться от весьма распро страненной еще привычки судить об институте, обычае, нравственном правиле так, как будто бы они были дурны или хороши сами по себе..." [14, с. 520, 455].

При изучении трудов Дюркгейма создается впечатление о его родстве не столько со *старым* институционализмом, сколько с *новейшим* институциональным подходом. Так, например, он определяет институт как способ бытия, который передан нам в совершенно готовом виде предшествующими поколениями. При этом им осознается тот факт, что новые институты отливаются вначале в старые формы [14, с.180, с.396].

Социологи Т. Парсонс и Н. Смелсер предлагают определение институтов без упоминания обычаев, как "способов, которыми целостные стереотипы культуры, общие для некоей общественной системы, реализуются в конкретных действиях элементов системы в процессе их взаимодействия друг с другом путем установления ролевых ожиданий и организации мотиваций" [47, с. 35]. Как видно, они близки по своей методологии к *новой* институциональной экономике.

Другими словами, институты являются объектом внимания и в рамках экономики, и в рамках социологии. Однако они не могут быть изучены только в рамках той или иной науки. Очевидно, что наиболее адекватной научной областью для их изу-

чения является экономическая социология. Мнение о том, что предметом экономической социологии должны стать институты, уже высказывалось в среде экономсоциологов. Так, А. Стинч-комб считает, что "экономическая социология увязывает масштабные перемещения экономических ресурсов с поведением индивидов путем изучения *институциональных форм* и техно логических ограничений, в рамках которых общество производит средства к собственному существованию" [35, с. 45]. Или, ана логично у М. Блауга: "экономическая социология занимает ся теми общественными институтами, которые влияют на эко номическое поведение" [6, с. 658].

В настоящее время предмет экономической социологии в России недоопределен. По мнению В.В. Радаева, она не имеет "устоявшихся определений предмета, плохо очерчена проблем ная область, не проработаны в должной мере методологические подходы, наконец, не обобщен богатейший концептуальный ма териал, накопленный зарубежной и отечественной научной мыс лью" [35, с. 5].

Главной задачей экономической социологии в России, по нашему мнению, должно стать изучение институционального строения российского общества, выявление закономерностей его институционального развития, осмысление характера инсти туциональных изменений в разные исторические периоды. От сюда предметом экономической социологии должны стать ин- ституты и институциональные изменения хозяйственного разви тия российского общества, а также институциональные факторы экономического роста.

Экономическая социология в России в настоящее время имеет два четко выраженных направления развития:

- *Московское* направление в развитии экономической со циологии пытается выработать "представление об экономиче ской социологии как процессе развертывания системы социоло гических понятий в плоскость хозяйственных отношений" [35, с. 6].
- В рамках *новосибирского* направления экономическая социология предстает как синтез экономических и социологиче-

ских знаний для изучения стыковых общественных проблем России, сформулированных в качестве предмета исследования - социального механизма развития экономики, впоследствии дополненного социальным механизмом трансформации общества. "Для того, чтобы "отремонтировать" социальный механизм развития экономики, необходимо его изучить, понять его внутреннее строение, выявить слабые точки, обосновать пути их укрепления. Решение этих задач должно взять на себя новое направление науки - экономическая социология. Объектом его исследований служит взаимодействие экономической и социальной сфер общества, экономических и социальных процессов" [15, с. 31-32].

Московское направление, с нашей точки зрения, имеет следующие недостатки:

- во-первых, экономическая социология выглядит как механическое соединение важнейших экономических и социологических тем и, как следствие этого, не имеющая собственного предмета исследования; это выражается в том, что "по существу каждая из выбранных тем представляет целое направление социологической или экономической теории," при этом происходит "обоснование нового исследовательского направления путем систематизации разнообразных подходов, выработанной экономической и социологической мыслью" [35, с. 6, 12];

- во-вторых, экономическая социология в России в рамках этого направления представляет собой исключительно синтез западной научной мысли: "Российские интеллектуальные традиции очень часто выступают в виде причудливого преломления западных концептуальных схем, перевернутой ипостаси западной традиции. Вследствие этого логика заставляет начинать с западных течений мысли, чтобы впоследствии успешнее определить собственные координаты" [35, с. 7];

- в-третьих, отсутствует постановка задачи по разработке новой общественной парадигмы для понимания современных трансформационных процессов в российском обществе: "Не ставим своей целью представление развернутых описаний социально-экономической системы России или какого-либо иного общества" [35, с. 6]; это выглядит несколько парадоксально, по-

сколькx экономическая социология институционализируется именно в такой период, когда устарели все имеющиеся взгляды на историческую траекторию общественного и хозяйственного развития России, а само российское общество переживает радикальные изменения.

В отличие от московского, в новосибирском направлении явно просматривается заявка на формирование новой парадигмы общественного знания, очищенной от идеологии (экономическая социология начала формироваться в Новосибирске еще в тот период, когда господствовала марксистско-ленинская идеология) и нацеленного на познание России как социально-экономического объекта. Это видно из тех целей и задач, которые ставились основоположником новосибирской школы Т.И. Заславской перед экономической социологией. "Выделив свой объект изучения, экономическая социология должна разработать адекватную этому объекту социологическую теорию и предложить общие принципы и конкретные процедуры проведения соответствующих конкретных исследований" [15, с. 8].

Выделяя в качестве предмета экономической социологии социальный механизм развития экономики, Т.И. Заславская огромное значение придавала институтам, которые являются составной частью этого механизма. "Говоря о таком механизме, мы имеем в виду устойчивую систему взаимодействий общественно-экономических групп по поводу производства человеческой жизни, использования природной среды, создания и потребления материальных благ и услуг. Систему, регулируемую, с одной стороны, исторически сложившимися социальными *институтами*, а с другой - текущей деятельностью государственных органов управления экономикой" [15, с. 27]. В то же время изучению институтов российской хозяйственной системы в новосибирском направлении экономической социологии реально уделялось незначительное внимание.

Хотелось бы подчеркнуть, что экономическая социология не является соединением экономики и социологии. Это - особый взгляд на реальность, отличный как от экономического, так и от социологического. В рамках экономической социологии общество не делится на экономическую и социальную подсистемы, а

рассматривается как целое, нерасчленимое и нераздельное. Для всех его частей в определенный исторический период заданы единые правила игры, находящие свое воплощение в институциональном ядре общества. В экономической социологии сплавлены и хозяйственная жизнь, и институциональное строение общества, и поведенческие механизмы и, наконец, менталитет населения. Этот особый взгляд на общество выражается в теоретических построениях, опирающихся на соответствующие посылки о неразделимости социального и экономического.

Процесс институционализации экономической социологии в России завершится только в том случае, когда будет создана теория общественного и хозяйственного развития России, на базе которой сформируются частные направления исследования. Эта теория будет способствовать решению многих практических задач, поскольку в ней будет заложен теоретический алгоритм их решения. Только в таком случае эта новая научная дисциплина будет выглядеть не как дань моде или новое интеллектуальное поветрие, а как вызванная к жизни действительно реальными практическими потребностями современного российского общества. Новое научное направление, используя накопленный теоретический багаж западной и отечественной мысли, должно породить новый взгляд на общественное и хозяйственное развитие России, может быть даже новую парадигму.

На наш взгляд, не стоит прямолинейно заимствовать положения институционализма из западной научной мысли для анализа хозяйственной траектории России. Напротив, используя его методологию и концептуальный подход, необходимо выработать собственное понимание природы нерыночных институтов и закономерностей их существования на российской экономической почве. "Вы оказались в ситуации, - отмечает Д. Норт - когда нужно решать тройственную задачу, каждая грань которой противостоит другой. Суть этой задачи в том, что с одной стороны, нужно охватывать перемены и новые механизмы, с другой стороны, нужно преодолевать негативные последствия перемен и ошибок. И, наконец, нужно сохранить ценное из наследия про-

шлого. К сожалению, нет теории динамики этого процесса. *Кому как не вам разработать эту теорию*" [24, с. 8].

Глава 3

Теория раздаточной экономики

В данной главе представляются основные положения теории раздаточной экономики, примененной к выявлению траектории хозяйственного развития России. Результатом этого применения явилось формирование институциональной теории хозяйственного развития России. Она является примером использования методологии институционального подхода к российской действительности без заимствования понятий и теоретического ядра, разработанных для западных, рыночных экономик.

Институциональная теория хозяйственного развития России интегрирует многие продуктивные идеи разных подходов. По существу в ней представлена модель хозяйственного развития евразийской российской цивилизации и объясняется характер интеграции институтов западной и восточной цивилизации в рамках единой исторической траектории. Уточняется категория "азиатский способ производства" через открытие институционального ядра раздаточной экономики, лежащего в основе как древних восточных обществ, так и бывших социалистических экономик. Показывается, что "административно-командная система" является лишь одним элементом более сложной институциональной системы раздаточной экономики советского периода, а отношения типа "бюрократический рынок" характеризует ее кризисную фазу.

Институциональная теория хозяйственного развития России отличается от всех существующих теорий о России тем, что она позволяет решать следующие задачи:

- реконструировать историческую траекторию хозяйственного развития России;
- работать одновременно на макро- и микроуровне социально-экономических процессов;
- выявлять механизмы функционирования российского общества как в стабильные, так и в трансформационные периоды;
- объяснить повседневную хозяйственную практику российской жизни.

1. Парадигмальная рамка

Фокус данной теории направлен на институциональные изменения хозяйственной системы России как в долгосрочном ретроспективном аспекте, так и в краткосрочном ситуативном плане. Объектом ее исследования является институциональная структура хозяйственной системы России как в целом, так и отдельных ее сфер. При этом под хозяйственной системой понимается система отношений, определяемая институциональным ядром, в рамках которых общество производит средства к своему существованию.

Институциональное ядро - совокупность институтов, обеспечивающих всю полноту правил и ограничительных рамок, в которых протекает хозяйственная жизнь общества и в которых общество осуществляет свою жизнедеятельность. Институты являются «генной» структурой общественной и хозяйственной жизни, невидимой внешне, а только схватываемой специальным инструментарием. Все что на поверхности хозяйственной жизни - лишь продукты определенного институционального устройства. Институциональный подход позволяет отнестись к прошлому хозяйственного развития не как к предмету исторической науки, а как к жизненному циклу хозяйственной системы.

Методологической рамкой институциональной теории хозяйственного развития России выступает *новейший* институциональный подход. Новейший институциональный подход отличается по многим теоретическим позициям от новой институциональной экономики. В частности, в нем институты понимаются как правила игры, по которым функционирует экономическая система, а не как элементы экономической организации общества. Новейший институциональный подход четко разводит институты и организации, а новая институциональная экономика рассматривает многие экономические организации как институты. Основоположителем новейшего институционального подхода является «поздний» Д. Норт, сформулировавший новые методологические принципы институционального подхода: в самом общем виде это - *не институты функционируют в рамках экономики, а экономика подчинена институциональным правилам*,

сформировавшимся в длительном историческом развитии хозяйства [26].

Институциональная теория хозяйственного развития России основывается на предположении, что наряду с *рыночными* экономическими системами существуют отличные от них, но столь же жизнеспособные и имеющие свои собственные законы развития - *раздаточные* экономики. Хозяйственная система России имеет природу раздаточной системы на протяжении всей ее экономической истории с IX по XX век, а экономическая эволюция в России есть эволюция институтов раздаточной экономики.

В основе институциональной теории хозяйственного развития России лежат следующие методологические предпосылки:

1) принцип *объективности* - экономические закономерности не зависят от воли и желаний отдельных личностей; раздаточная экономика, также как и рыночная имеет объективный характер;

2) принцип *естественности* - раздаточная экономика, как и рыночная экономика, продукт объективных материальных условий; она не является искусственным образованием или конструкцией сознательной политической программы какой-либо партии или диктатора;

3) принцип *историзма* - раздаточные отношения, так же как и рыночные, зародились в древности на заре человеческой цивилизации в примитивных формах; в процессе эволюции постепенно развивались и приобрели современные институциональные формы;

4) принцип *саморегулятивности* - в обоих типах хозяйственных систем (рыночных и раздаточных) существуют естественные сигналы обратной связи, на которые ориентируются лица, принимающие решения.

Прежде всего эти методологические посылки отличают институциональную теорию хозяйственного развития России от других теорий, работающих с нерыночными экономиками (например, концепции примитивных или архаичных экономик, ази-

атского способа производства и т.п.). Кроме того, все перечисленные концепции базируются на положении о дорыночном характере нерыночных экономик: они исторически отсталые и должны быть или будут преобразованы в рыночные.

С точки зрения институциональной теории хозяйственного развития России раздаточные экономики столь же самостоятельны в развитии, как и рыночные. У них своя траектория и законы развития. Они совершенствуются и развиваются на своей собственной платформе, не преобразуясь в другой тип экономики. Раздаточные экономики существовали всегда и в примитивных, архаичных формах и в форме азиатского способа производства. Однако, они как и рыночные экономики, сохраняя свою раздаточную природу развиваются, усложняя формы существования своих институтов, причем курс этого развития тот же - приобрести цивилизованную природу, демократизировать все стороны жизни, стать эффективными и жизнеспособными.

В экономической литературе широко распространен термин «распределительная экономика», однако в данной теории используется понятие «раздаточная экономика» по следующим принципиальным соображениям.

Прежде всего, рыночная экономика в той же мере распределительная экономика, что и раздаточная экономика, поскольку в ней присутствуют все фазы общественного воспроизводства «производство - распределение - обмен - потребление». Однако в рыночной экономике распределение осуществляется через механизмы «купли-продажи», в то время как в раздаточной экономике - через механизмы «сдач-раздач».

Второе отличие связано с концептуальным подходом: если «распределительная» экономика рассматривается как искусственная, внеисторическая и с доминированием субъективного фактора в ее становлении и функционировании, то «раздаточная» экономика в рамках теории хозяйственного развития России рассматривается как объективная, возникшая в ходе естественно-исторического развития, имеющая собственные законы развития.

В-третьих, лингвистический анализ терминов как древне-го, так и современного экономического российского быта вывел именно на такую терминологию. Так, например, слово «государь», появившееся в начале XVI в., является аббревиатурой: ГО - господин, хозяин, СУ - первое обращение к служивым людям, ДАР - раздающий блага. Таким образом, государь - это хозяин земли русской, находящийся у нее на службе и обеспечивающий своих подданных. В связи с этим государство расшифровывается как раздаточно-служебное хозяйство. (Подробнее о лингвистическом анализе терминов русского экономического быта см. [5]).

В институциональной теории хозяйственного развития России используется новый категориальный аппарат, опирающийся на термины российского экономического быта. Этот прием уже применялся при построении рыночной теории: «Попытки теоретизирования с помощью обыденных понятий рынка являются началами всех экономических теорий, и эта сила обыденных понятий не является сама по себе недостатком а, напротив, представляет собой недостаточно высоко оцененное преимущество для научного мышления, непосредственно получающего доступ к непостижимо богатым источникам жизненного опыта... Язык жизни оказывает высшую услугу научному мышлению, показывая пути, по которым можно проникнуть в скрытое ядро жизненного опыта» [1, с. 442].

Такое построение понятий крайне важно для выявления сути экономической системы нерыночного типа, существующей в России. Обычные методы введения новых понятий из другой экономической среды приводят к расхождению заимствованных названий и реального экономического содержания. «Русская действительность, обозначаемая заимствованным термином, не укладывается в него, не узнает себя в нем. Эти слова становятся знаками другой жизни; в то же время происходит как бы подмена сути» [43, с. 395].

Раздаточная экономика рассматривается как определенная институциональная структура, формирующая (и охватывающая) законы и «правила игры» хозяйственных систем, а также определенный тип поведения, отношений и связей. Под

раздаточной экономикой понимается такая экономическая система, которая обладает следующими признаками:

- Собственность (земля, средства производства, инфраструктура) носит *общественно-служебный характер*: отдельные ее части передаются хозяйствующим субъектам под условия выполнения правил ее использования и управляются специальными государственными органами. Категория «общественно-служебной собственности» дает другой взгляд на то, что ранее называлось общественной собственностью. Общественно-служебную собственность отличают два признака: права по ее владению распределены между всеми хозяйствующими субъектами и не принадлежат в полном объеме никому, второй признак - доступ к ней осуществляется в форме службы. С позиций теории хозяйственного развития России, общественно-служебная собственность существовала на всех институциональных циклах, но в разных формах.

- В основе экономической организации лежит служебный труд - участие в трудовом процессе на объектах общественно-служебной собственности и (или) выполнение определенных функций в интересах всего общества. Служебный труд носит обязательный характер, обусловленный внешними по отношению к каждому субъекту условиями, и означает выполнение ими определенных, предписанных обществом функций и обязанностей.

- Обеспечение материальных условий для выполнения служебных обязанностей в рамках общественно-служебной собственности осуществляется через *институт раздач*. Объектами раздач могут выступать все виды материальных и нематериальных объектов: земля, рабочая сила, деньги, жилье, услуги и продукты. Институт раздач предопределяет формы владения материальными объектами, поскольку раздаче подлежат не только сами объекты, но и объем прав по их распоряжению, посредством которых определяются правила владения и использования этих объектов.

- Выполнение производственных задач и формирование общественного богатства происходит через *институт сдач*. Институт сдач представляет собой обязательное дополнение

института раздач, поскольку невозможно раздать какие-либо блага, предварительно их не аккумулировав. Другими словами, если под раздачей понимается процесс передачи материальных благ, ресурсов или услуг из единой собственности во владение различных субъектов хозяйственной жизни, то под сдачей понимается обратная передача вновь созданных или других имеющихся (необходимых обществу) материальных благ, услуг и ресурсов от всех хозяйственных субъектов и частных лиц в распоряжение всего общества.

- Сигналы обратной связи, отражающие реакцию всех участников общественного воспроизводства на возникающие проблемы, передаются посредством *института административных жалоб*. Институт административных жалоб является проводником сигналов снизу вверх для всей хозяйственной системы в целом. Жалобы показывают, условно говоря, температуру хозяйственного организма и в этом смысле являются критерием успешности функционирования раздаточной экономики.

- Движущим механизмом раздаточной экономики является механизм *координации сдаточно-раздаточных потоков*. Для реализации этого механизма служат соответствующая система управления и финансовые институты, отражающие специфику раздаточной системы. Так, план является важнейшим элементом раздаточной экономики последнего институционального цикла, поскольку представлял собой механизм координации сдаточно-раздаточных потоков. На предыдущем институциональном цикле такую роль выполняла государственная роспись доходов и расходов.

Фундаментальным *законом* раздаточной экономики является закон (механизм) *сдач-раздач*, означающий следующее:

- 1) любой раздаче сопутствует сдача, т.е. раздача и сдача - две стороны одного экономического отношения;

- 2) каждый субъект в раздаточной экономике стремится к максимизации своей доли, как разнице между полученными раздачами и произведенными сдачами;

- 3) на уровне общества существует стремление к балансированию потоков *сдач-раздач*, что в существенной мере оп-

ределяет социальную, экономическую и научно-техническую политику общества.

Рис.1. Институциональные циклы в развитии раздаточной экономики России

Институциональная теория хозяйственного развития России охватывает длительный исторический период - с IX по XX вв., поскольку именно в этот период зародилась и функционировала по определенным законам раздаточная экономика России. Эволюция раздаточной системы в России прошла уже три крупных цикла (рис. 1):

I институциональный цикл пришелся на конец IX в. и продолжался до начала XIII в. - княжеский период. В историографии этот период обозначается как “Киевская Русь”. За ним последовал первый переходный период - удельные века.

II институциональный цикл охватывает период с конца XIV в. до середины XIX в. - Московско-Петербургский период или царская Россия. С середины XIX в. до первой трети XX в. длился второй переходный период, известный под названием “развитие капитализма в России”.

III институциональный цикл имеет достаточно четкие границы - 1920-е-1980-е гг. - советский период. С конца XX в. реализуется программа рыночных преобразований и протекает третий переходный период.

Принципы выделения *институциональных циклов* в исторической ретроспективе базировались на типологии институциональной среды на разных этапах развития раздаточной экономики и исходя из степени развития сдаточно-раздаточных отношений. В каждом цикле существует своя форма воплощения институтов раздаточной экономики, которая преобразуется в новые формы в следующем цикле. Формально каждый институциональный цикл начинается с новой формы государственности и с отрицания институциональной среды переходного периода.

Переходные периоды характеризуются распространением элементов, похожих на элементы европейских институтов соответствующего исторического периода. Деление на основные и переходные периоды определяется господствующим типом отношений и характером собственности. В переходные периоды возникала частная собственность и распространялись товарно-денежные, рыночные отношения. В основные периоды господствует общественно-служебная собственность и сдаточно-раздаточные отношения.

На рис. 1 изображены институциональные циклы по фактической распространенности того или иного типа отношений. То, что один цикл охватывает более двух столетий, а другой менее века зависит от множества исторических факторов. В частности, в период второго институционального цикла происходило

расширение границ Российского государства, слабо были развиты информационные технологии и т.д. Эти факторы обусловили большую продолжительность второго институционального цикла по сравнению с третьим.

Три институциональных цикла представляют собой три последовательные стадии развития институтов раздаточной экономики. Раздаточная экономика, как и рыночная, развивается по единой цивилизационной оси, составными компонентами которой являются научно-технический прогресс, культурная компонента - образование и духовная жизнь, общечеловеческие ценности - свобода, ненасилие, демократия и прогрессивные институциональные технологии, такие как, например, контрактное или договорное право.

Формы институтов раздаточной экономики совершенствуются для решения тех задач, которые стоят в каждый исторический момент времени перед обществом. Уровень политического насилия не зависит от типа экономической системы, а зависит от уровня общего цивилизованного развития той или иной страны. Движение по оси «насильственные формы управления - ненасильственные» самостоятельное, как бы параллельное оси развития институтов раздаточной экономики.

С позиций институциональной теории хозяйственного развития России, институциональный цикл раздаточной экономики подразделяется на основной и переходный периоды. В свою очередь основной период имеет фазы подъема, стабильного функционирования и кризиса. Выяснение причин возникновения кризиса является составной частью разрабатываемой теории. Кризис институциональной системы раздаточной экономики возникает при непропорциональном увеличении институциональных издержек или издержек по управлению экономической системой в целом. Диспропорции между производительными и управленческими издержками влияют на снижение трудовой мотивации и в целом приводят к неэффективности воспроизводственного процесса.

Поскольку «чистых» экономик не существует, в каждом типе присутствует определенная доля отношений из "противоположной" системы, т.е. в рыночных - раздаточные, а в разда-

точных - рыночные. Технология их сосуществования - один из интереснейших исследовательских вопросов. Для раздаточных экономик взаимодействие рыночных и раздаточных отношений в рамках одного институционального цикла выглядит следующим образом.

- В *переходный период* рыночная среда накладывается на кризисные институты раздаточной экономики, она довлеет, диктует свои правила, но при соприкосновении с раздаточной средой претерпевает модификации, искажающие ее сущность. К концу этого периода раздаточная среда вытягивает для себя полезные элементы из рыночной среды и начинает ощущать в себе потенцию к восстановлению. Искаженная рыночная среда не приводит к экономическому подъему и компрометирует себя.

- На *стадии восстановления* оплодотворенная раздаточная среда начинает оживать, расширять свои границы, подминая под себя уже совсем выхолощенные рыночные формы. Пример - НЭП, идеология этого периода - усиление государственного вмешательства в рыночную экономику. Борьба «кто кого?» решается в пользу обновленной раздаточной институциональной среды.

- На *стадии функционирования* раздаточная среда ставит под свой контроль фрагментарные рыночные формы и таким образом обеспечивает устойчивое функционирование всей системы.

- На *стадии кризиса* раздаточная среда устаревает, теряет эластичность, институциональные пробелы заполняют стихийные формы рыночных отношений, которые имеют самый широкий спектр от криминальных и полуполезальных до неразрешаемых, но и незапрещаемых.

Исследование роли идей и идеологий в раздаточной экономике России имеет не только научный, но и практический интерес. В каждом цикле развития раздаточного хозяйства была своя форма существования национальной идеи: от православия до научного коммунизма. Национальная идея являлась элементом служебного труда, который опирался в значительной мере на моральные стимулы. В настоящее время по заданию сверху "ищется" новая национальная идея. Важно понять, что нацио-

нальные идеи берут свои корни в глубочайших философских, теоретических и религиозных системах.

В качестве современной национальной идеи в России может (и будет) выступать теория, объясняющая природу российского общества и закономерности его развития, а также указывающая перспективу. Подобно тому как рыночная парадигма является элементом западной самоидентификации, новая теория ляжет в основу формирования комплекса идей, объединяющих российский народ и направляющих его усилия в единое конструктивное русло.

Идеи и идеологии формируют субъективные ментальные конструкции, с помощью которых индивиды интерпретируют окружающий мир. Они создаются или обновляются в раздаточной экономике тогда, когда требуется новый импульс для ее развития. Когда существующая идеология тормозит развитие раздаточной экономики, она отбрасывается и начинается формирование новой. Так было с социалистической идеологией, которая помогла на определенном этапе становлению раздаточной экономики, но как только стала реальным тормозом развития, была отброшена.

В рамках институциональной теории хозяйственного развития России предполагается основательное обсуждение вопроса, почему в России укоренилась раздаточная экономика, которая несмотря на неоднократные попытки ее преобразования в рыночную тем или иным способом, возвращается к исходному типу институционального состояния. В настоящее время только сделано предположение о существовании в России "коммунального" характера материально-технологической среды, при которой теснота социально-экономических связей такова, что их разрушение и частное обособление может вызвать распад всего общества.

Коммунальный характер материально-технологической среды - это среда, обладающая пятью признаками:

- 1) она является фактором выживания и условием общественного благополучия;
- 2) требует упорядоченных коллективных действий;

- 3) объем ресурсов на ее поддержание превышает индивидуальные и групповые возможности;
- 4) обладает технологической целостностью, т.е. ухудшение положения в одной части приводит к ухудшению в системе в целом;
- 5) инвариантна к платежеспособности населения.

Понимание этого обстоятельства на инстинктивном, генетическом уровне сформировало "этатизационные" ценности большинства российского населения, что означает приверженность к сильному государству, руководящему и управляющему хозяйственной жизнью. Этатизационный потенциал населения - это та часть населения, которая признает и считает необходимым, чтобы государство активно участвовало в хозяйственной жизни общества, а приватизационный потенциал населения - те, кто считают, что государство не должно вмешиваться в хозяйственную жизнь.

Давно замечено и описано в литературе как научной, так и художественной, что русский (советский, российский) человек имеет особый менталитет, своеобразные способы поведения. С точки зрения институциональной теории хозяйственного развития России, ничего странного в этом нет. Это сложившийся тип рационального поведения, который позволяет ему выживать в сложившейся раздаточной среде российской экономики. Изучение поведенческих факторов под таким углом зрения поможет объяснить многие явления, до сих пор относящиеся к «загадочной русской душе».

Итак, раздаток и рынок представляют собой две институциональные системы, складывающиеся в разных обществах для организации хозяйственной жизни. Как раздаточная, так и рыночная экономика должны обеспечивать эффективное производство продуктов и услуг в соответствии с потребностями населения. Причины формирования того или иного типа экономики лежат в характеристиках природной среды и способах ее освоения, сложившихся в начальные периоды истории каждого государства. В ходе развития каждая из экономик усиливает присущие ей черты, а целесообразность соответствующего эконо-

мического устройства надежно закрепляется в сознании и общественных ценностях поколений.

Для всех хозяйственных систем, функционирующих по законам рыночной или раздаточной экономики, характерно циклическое развитие. Каждый институциональный цикл характеризуется определенными формами своих экономических институтов, типами организаций и моделями управления, в наибольшей мере позволяющими в конкретных исторических условиях реализоваться основным экономическим законам и обеспечить стабильное экономическое развитие. В рыночной экономике такая институциональная среда обеспечивает реализацию закона соответствия спроса и предложения, а в раздаточной экономике - закона балансировки потоков сдач и раздач для всех секторов государственного хозяйства.

В те периоды, когда сложившиеся элементы институциональной среды перестают обеспечивать действие основных экономических законов, хозяйственная система и все ее отрасли вступают в фазу кризиса, а система экономических отношений - в период институциональных изменений. Общей чертой таких периодов является апробирование и внедрение институциональных элементов экономик альтернативного типа, которые позволяют выйти из кризиса. Например, после глубокого кризиса 30-х годов в странах с рыночной экономикой стали активно использоваться методы государственного регулирования, характерные для раздаточных экономик.

В ходе исторического развития раздаточной экономики России в периоды институциональных изменений также происходило внедрение способов организации экономической жизни из современного опыта экономик рыночного типа. При этом обычно заимствовались и названия новых типов организаций и методов хозяйствования, вплоть до перенесения названия этих исторических периодов в экономическую историографию России.

Окончанием периода институциональных изменений и началом нового цикла являлось нахождение новой модели управления и обновление всех элементов институциональной среды. Это позволяло в изменившихся исторических условиях

обеспечивать действие основных экономических законов и рост экономической эффективности.

Согласно институциональной теории хозяйственного развития России раздаточная экономика - явление не только национального, российского масштаба. Запад и Восток отличаются не только политическим и религиозным устройством, но также и хозяйственными системами. В основе западноевропейской цивилизации лежит рыночная экономическая система с большими или меньшими объемами государственного вмешательства. Основу восточных цивилизаций составляет раздаточная экономика с большим или меньшим объемом института рыночной торговли и частного предпринимательства.

Специфика траектории хозяйственного развития России заключается в наличии достаточно длительных переходных периодов, в которых происходит жесткая конфронтация неформально существующей раздаточной среды и формально распространяемой рыночной институциональной среды. В наличии сосуществования основных раздаточных периодов и переходных квазирыночных периодов выражается своеобразие траектории хозяйственного развития России как евроазиатской цивилизации.

2. Институциональное ядро раздаточной экономики

В институциональной теории хозяйственного развития России обосновывается, что наряду с рыночными экономикками существуют и другие, столь же естественные, жизнеспособные и саморегулирующиеся раздаточные хозяйственные системы. В ходе естественно-исторической эволюции на территории российского государства сформировалась такая саморегулирующаяся экономика, отличная от рыночной. Как и рыночная, она функционирует на принципах самоорганизации, но по другим правилам. Базовыми отношениями этой экономики являются отношения "сдач-раздач", а не "купли-продажи", и потому она получила название раздаточной экономики или экономики раздатка. Эти экономики обладают собственным институциональным ядром (рис. 2).

Институт раздач. Основополагающим элементом институционального ядра раздаточной экономики России является институт раздачи материальных условий для жизнеобеспечения населения страны. Институт раздач предопределяет формы владения материальными объектами, поскольку наряду с объектами раздаче подлежат и объем прав по их распоряжению, с одной стороны, и определяются правила использования этих объектов, с другой.

В раздаточной экономике объектами раздач могут выступать все виды материальных и нематериальных объектов: земля, рабочая сила, деньги, жилье, услуги и продукты, наконец, чины и должности. Тот объект, который включен в институт раздач становится *раздатком*, т.е. перестает существовать вне контекста отношений раздаточной системы и начинает олицетворять собой всю ее институциональную среду. Раздаток является клеткой социально-экономического организма раздаточной системы, подобно тому как товар является слепком товарно-денежных отношений и рыночной системы.

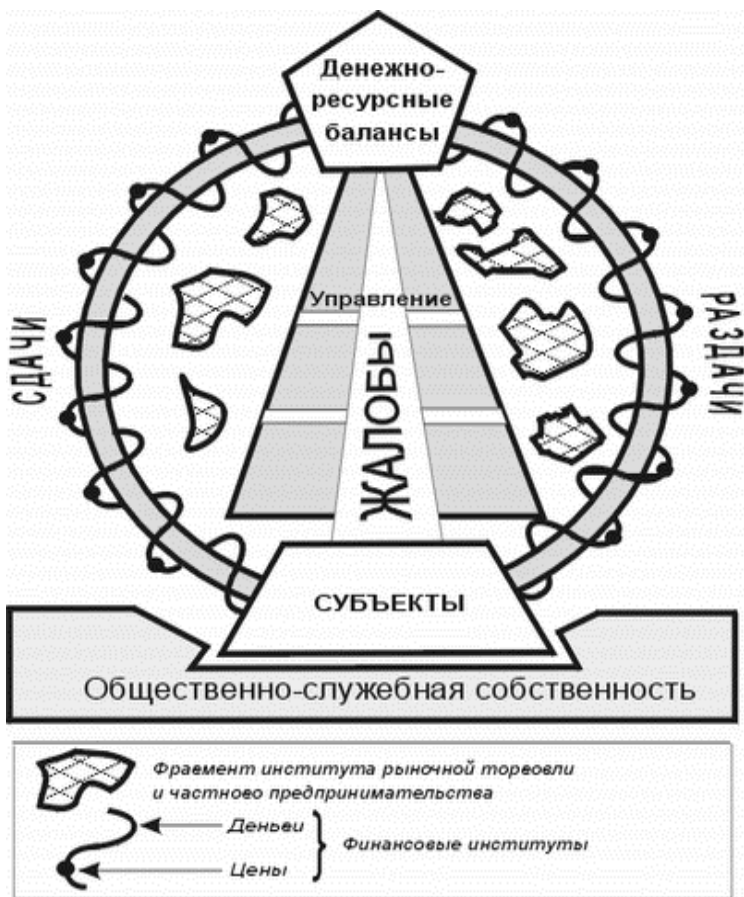

Рис. 2. Институциональное ядро раздаточной экономики

Элементами института раздач являются:

- объекты раздач - материальные и нематериальные блага для жизнеобеспечения населения, подлежащие раздачам;
- источник раздач - либо постоянно пополняющиеся фонды, где концентрируются материальные богатства или ресурсы,

либо механизм создания общественного богатства с целью последующих раздач;

- законодательная основа раздач - юридические нормы, на основе которых определяются объекты раздач и осуществляется процесс раздачи;

- органы управления соответствующим видом раздач - примеры из разных эпох: поместный приказ, дворцовый приказ, отделы по распределению жилья, Госснаб и т.д.;

- принципы раздач - утвержденная система нормативов, на основе которых раздаются материальные и нематериальные объекты;

- юридические документы на розданное благо - например, жалованная грамота, послушная грамота, ордер на квартиру и т.п.;

- правила владения розданными благами, включающие возможность или невозможность наследования, купли - продажи, дарения и мены;

- условия использования розданных благ - как правило, использование исключительно по целевому назначению и с точки зрения эффективности всей системы;

- право возврата розданного блага - варианты: конфискация, возврат за долги казне, возвращение выморочных земель по причине утраты владельца, национализация и т.д.

На протяжении всего исторического существования хозяйственной системы России институт раздач эволюционировал вместе со всей системой раздаточной экономики, при этом совершенствовалась законодательная база, менялись объекты и формы раздач, усложнялись правила и принципы раздач.

Институт сдач. Институт сдач представляет собой механизм сбора материальных благ и ресурсов с целью их последующего распределения через институт раздач. Институт сдач в раздаточной экономике накладывает дополнительные свойства на раздаток, т.е. на те вещи, блага, ресурсы, которые подлежат раздаче. А именно: раздаток - это не только объект, подлежащий раздаче, но и с которого обязательно должна производиться

ся сдача продуктами, деньгами, трудом или службой (государственной или военной).

Таким образом, если под *раздачей* понимается процесс передачи материальных благ, ресурсов или услуг из единой собственности во владение различных субъектов хозяйственной жизни, то под *сдачей* понимается обратная передача вновь созданных или других имеющихся (необходимых обществу) материальных благ, услуг и ресурсов от всех хозяйственных субъектов и частных лиц, владеющих и использующих какой-либо вид раздатка, в распоряжение всего общества.

Основу института сдач составляет *служебная организация труда*. Это такая организация хозяйственной жизни, когда любая общественная деятельность - производственная, управленческая, военная и др. - приобретает характер служебного труда. Служебный труд носит обязательный характер, обусловленный внешними по отношению к каждому субъекту условиями, и означает выполнение ими определенных, предписанных обществом функций и обязанностей. Выполнение этих служебных обязанностей регулируется институтом сдач, который имеет следующие элементы:

- объекты сдач - это те блага, услуги, ресурсы, которые подлежат сдаче; а также те функции, которые подлежат обязательному выполнению;
- законодательная основа - это юридические нормы и правила, регулирующие деятельность по сбору материальных и нематериальных благ, а также служебную организацию труда;
- органы управления, организующие сдаточный процесс и служебный труд;
- способы взимания продуктов, услуг и труда;
- правила сдач - установленная нормативная система, на основе которой производится взимание материальных и нематериальных благ.

В российской истории сформировались следующие виды сдач: натуральные и (или) денежные сборы с трудоспособного населения, выполнение "повинностей", т.е. обязательный труд

на общество, государственная служба по управлению хозяйством, военная служба.

Для уяснения природы и сущности сдач покажем отличия их от налогов, существующих в рыночных экономиках:

- Налоги в государствах с рыночной системой - элемент финансовой системы, существующие исключительно в денежной форме; сдачи - элемент институционального строения раздаточной экономики и могут иметь как денежную, так и недежную форму. Более того, до настоящего времени преобладала недежная форма сдач в виде продукции, услуг, живого труда.

- Налогами обкладывается имущество и доходы, сдачами - трудоспособное население с выделенными ему ресурсами. Другими словами, если в первом случае обложению подлежат результаты деятельности, то во втором - производственные мощности. При этом для того, чтобы платить налог, надо иметь доходы и имущество, если их нет - налог не взимается. В случае со сдачами ситуация обратная - необходимо обязательно их осуществлять по заранее установленному нормативу и для этого необходимо иметь работу или доход.

- Функция налогов заключается в перераспределении доходов: налоги собираются с доходных групп населения и затем в виде социальной поддержки передаются бедным. Функция сдач заключается в формировании соответствующих ресурсов для их последующей раздачи, при этом каждый гражданин или хозяйствующий субъект сдает что-либо ему предписанное и одновременно получает то, что ему положено.

Институт административных жалоб. В любой социально-экономической системе присутствуют естественные сигналы обратной связи, на основании которых принимаются решения и проводится соответствующая политика. В раздаточной экономике обратная связь осуществляется через институт административных жалоб, в основе которого лежит право на жалобу всех граждан и хозяйствующих субъектов. Институт административных жалоб на протяжении всего исторического развития раздаточной экономики обеспечивал диалог между лица-

ми, принимающими решения и всем населением по поводу возникающих проблем и способов их решения. Формы этого диалога соответствовали историческим реалиям, однако с течением времени принимали все более цивилизованный характер и в настоящее время приближаются к демократическим нормам.

Элементами института административных жалоб являются:

- законодательная основа - совокупность всех юридических норм, устанавливающих порядок работы с жалобами;
- управленческие органы, ведущие прием жалоб и принимающие по ним соответствующие решения;
- предметы обжалования - это то, на что разрешено подать жалобу;
- форма жалобы - установленный бланк для подачи жалобы;
- способы подачи жалобы - установленные правила приема и прохождения жалоб;
- сроки рассмотрения жалоб - определенный временной интервал рассмотрения жалоб до окончательного ответа;
- механизм приема решений по жалобам.

От цикла к циклу совершенствовалась законодательная основа института административных жалоб, усложнялся и рационализировался порядок их прохождения, что привело к возникновению "иерархической жалобы" как проекции иерархической системы управления, по каналам которой осуществляет свой путь административная жалоба. Следствием этого стало включение механизма жалоб во все структурные единицы раздаточной экономики с целью постоянной коррекции принимаемых решений.

Механизм влияния жалоб на принимаемые решения совершенствовался от цикла к циклу. Каждый гражданин и любой хозяйствующий субъект имели право жаловаться и активно использовали это право. Но не всякая жалоба являлась руководством к действию: необходима была их критическая масса на каждом уровне иерархии, чтобы жалобы попадали на рассмот-

рение следующего уровня управления. Чем выше социальное положение жалуемого, тем больший вес имела жалоба. Количество жалоб выступало индикатором сбалансированности экономической системы в целом и каждой ее сферы, а их минимизация была критерием эффективности деятельности управляющих в раздаточной экономике.

Административные жалобы имеют сложную внутреннюю структуру и включают два типа жалоб - *гражданские*, поступающие от населения в органы управления и *управленческие*, исходящие с нижних звеньев управления и передающиеся на более высокий уровень управления. Гражданские жалобы в свою очередь состоят из трех видов:

- *Активные жалобы* или *жалобы-сигналы*. Они являются наиболее сильной формой выражения недовольства граждан состоянием дел. С такими жалобами население обращается в вышестоящие отраслевые органы управления, в органы местного управления, в органы центральной власти, к депутатам, в прессу, на радио и телевидение.

- *Заявки и обращения*, с которыми граждане обращаются со своей проблемой непосредственно в те организации, которые отвечают за решение данной проблемы. Этот вид жалоб характеризует меньшую по сравнению с первой, остроту и напряженность проблемы.

- *Латентные жалобы* или осознаваемые проблемы. Они представляют собой жалобы, высказываемые населением в тех случаях, когда их об этом специально спрашивают, например, в ходе опросов. Латентные жалобы выражают менее острые проблемы, к наличию которых население привыкло и не спешит обращаться в специальные организации. В то же время латентные жалобы представляют собой тот резервуар, в котором проблемы постепенно накапливаются и превращаются в жалобы-обращения и в жалобы-сигналы.

Раздаточная экономика находится в состоянии эффективного функционирования, если основу системы административных жалоб составляют жалобы-обращения. Увеличение доли латентных жалоб и жалоб-сигналов означает ухудшение эко-

номического положения; в кризисном состоянии экономики латентные жалобы существенно преобладают.

Сигнальный механизм в форме жалоб не мог быть не замечен исследователем современных экономик раздаточного типа Я. Корнаи, при этом он опирается на уже существующие идеи о наличии неценовых сигналов обратной связи: “Голос потребителя, его жалоба на дефицит позволяют судить о спросе. И чем настойчивее потребитель в своем поиске и громче его жалоба, тем мощнее этот сигнал...Эта обратная связь дает о себе знать и в обычных условиях сильной централизации. Правда, ведомство, управляющее предприятием, разрабатывает очень подробные предписания по номенклатуре выпускаемой продукции. Но уж если они изменяются, то именно под воздействием обратной связи...Сигнальная система механизма обратной взаимосвязи: недовольство, рекламация (признаки жалобы - О.Б.). Следующая за ними реакция - сосредоточение еще свободных источников капиталовложений в сферах, где терпение иссякает, приближается к пределу” [20, с. 80, 86, 123, 254].

Некоторые советские экономисты понимали, что положения теории социалистической экономики не отражали реальной действительности. В научной литературе тех лет подчеркивалось, что «проблема “обратной связи”, имеющая особое значение для функционирования социалистической экономики, все еще ждет своей разработки» [22, с. 224]. Делались даже попытки намекнуть на существование механизма жалоб: “Формы ответной реакции на нарушение экономических законов могут быть самыми различными: сигналы руководству предприятий, министерств, в партийные организации, в печать и т.д., результатом чего могут явиться специальные мероприятия хозяйственного руководства по выправлению положения на данном участке производства” [22, с. 224]. Однако они решительно опровергались ортодоксальными политэкономами.

До сих пор действие механизма обратной связи в форме жалоб не осознается большинством экономистов. В том случае, если его действие и признается, то оценивается крайне невысоко. “Подчеркивая факт существования механизма регулирования обратной связью, следует, однако, отметить, что его дейст-

вие не является достаточно сильным, и он срывает с запазданием” [20, с. 86]. Тем не менее, надо исходить из того, что не существует идеальных сигналов обратной связи. Цены, которые выполняют аналогичную функцию в рыночной системе, “не выполняют это идеально” и за это критикуются. “Однако мы не отбрасываем первый закон механики только потому, что в реальном мире существует трение. Схожей ошибкой было бы закрывать глаза на достоинства системы цен только потому, что она не способна обеспечить безупречную координацию” [45, с. 112]. То же самое можно повторить и для системы жалоб, которая осуществляет процесс координации в раздаточной экономике.

Институт общественно-служебной собственности в раздаточной экономике дополняет институты сдач, раздач и административных жалоб, выполняя функцию по сбережению и обслуживанию уже накопленного национального богатства. Институт общественно-служебной собственности задает правила функционирования всех хозяйствующих субъектов, в его границах осуществляется координация сдаточно-раздаточных потоков.

На всем протяжении исторического развития раздаточной экономики создавались условия для формирования общественно-служебного характера института собственности. Признаком общественно-служебного характера собственности на всех институциональных циклах является отсутствие у какого-либо частного лица или какой-либо социальной группы всей полноты прав на тот или иной материальный или нематериальный объект.

Под *общественно-служебной собственностью* понимается вся совокупность природных и неприродных объектов определенного сообщества, поступающих к членам этого сообщества посредством института раздач для обеспечения ответных сдач в любом виде и не принадлежащих полностью ни их владельцам, ни управляющим, ни государям или политическим властям, поскольку весь объем прав собственности на эти объекты распределен по установленным правилам между всеми хозяйствующими и управляющими субъектами.

На каждом институциональном цикле развития раздаточной экономики институт общественно-служебной собственности характеризовался определенными субъектами раздач материальных и нематериальных объектов, а также объемом прав на их использование; основным типом хозяйственной организации; моделью управления; механизмом координации сдаточно-раздаточных потоков.

Финансовые институты раздаточной экономики предназначены для денежного обслуживания сдаточно-раздаточных потоков и в конечном счете, для обеспечения эквивалентности между тем, что сдается и тем, что раздается на уровне отдельного индивида, социальных групп, регионов и всего государства в целом. “Эквивалентность здесь означает не то, что может быть дано за другой продукт, а что может быть востребовано *взамен* его” [41, с. 52].

К финансовым институтам прежде всего относятся такие институты, как *денежное обращение, ценообразование, государственный бюджет*.

Деньги в раздаточной экономике имеют иную природу, чем в рыночной: они - продукт не обменных взаимодействий, а отношений сдач - раздач. На конкретных примерах К. Поланьи показывает, что в нерыночных экономиках деньги выполняли в основном функцию платежа и практически не использовались для обмена. Но особенно значимым, на наш взгляд, является не тот факт, что функции денег могут существовать независимо друг от друга, а то, что в обществах, где деньги не используются как средство обмена или используются в этом качестве, но в ограниченной сфере, могут быть введены более сложные валюты и средства учета, не означая при этом тенденции продвижения общества к рыночной экономике.

Ценообразование - второй важнейший финансовый институт раздаточной экономики. В процессе ее исторического развития сформировались два основных принципа ценообразования:

1. На все, что сдается или раздается цена устанавливается административно на государственном уровне, при этом

формируются отдельно сдаточные (“закупочные”, “приемные”) цены и отдельно раздаточные (“отдаточные”) цены.

2. На все, что разрешено к продаже, цена формируется в результате сделки только в том случае, если не ущемляются интересы каких-либо групп населения, в противном случае государство вмешивается в процесс купли - продажи и устанавливает определенный тариф, либо запрещает продажу. Причем это вмешательство может носить эпизодический характер, а может иметь долговременные последствия.

К числу финансовых институтов раздаточной экономики относится также *государственный бюджет*, посредством которого осуществляется балансировка всех установленных сдач и всех необходимых раздач в денежном выражении на определенный период. Бюджетная деятельность на государственном уровне (или составление росписей доходов и расходов) началась на втором институциональном цикле, примерно в XVII в. Равенство совокупных доходов и расходов при небольшом уровне жалоб означало нормальное функционирование раздаточного хозяйства, в то время как дефицит государственного бюджета служил индикатором неблагоприятного положения экономики. Кризис раздаточной экономики, в частности, выражается в хроническом бюджетном дефиците.

Главное направление в развитии бюджетной деятельности состояло в постепенной координации и увязке сдаточных потоков со всеми предстоящими раздачами. Важнейшим механизмом, посредством которого осуществлялась эта координация состояла в том, что каждая статья расхода должна быть приурочена к специальному источнику дохода. Вместе с тем существовала другая позиция по устройству бюджета, которая позже была реализована, - это принцип единства государственной кассы или принцип “общего котла”.

Финансовые институты раздаточной экономики адекватны ее природе и потому имеют другие свойства, чем финансы и бюджет в рыночных экономиках. Деньги и цены обслуживают сдаточно-раздаточные процессы, государственный бюджет координирует и балансирует совокупные сдачи с общественно-

необходимыми раздачами в денежной форме на определенный исторический период.

Институт рыночной торговли и частного предпринимательства в раздаточной экономике занимает особое положение. Им охватывается вся торговая и предпринимательская деятельность частных лиц и хозяйствующих субъектов вне сферы государственного регулирования и управления. Его место и роль сравнима с положением института государственного вмешательства в рыночной экономике. Оба эти института находятся в противоречивом единстве с господствующим типом отношений, являясь противоположными по существу, но выполняют важные функции, обеспечивая устойчивость экономической системы в целом. "Торговля и деньги возникли отдельно друг от друга и независимо от рынков. Они не возникли, как это предполагалось из индивидуального бартера и обмена. Торговля и деньги являются более широко распространенными институтами, нежели рынки. Различные формы торговли и разные средства использования денег должны поэтому рассматриваться вне зависимости от рынков и рыночных элементов" [11, с. 52].

Подобно тому, как в рыночной теории существует две полярные точки зрения относительно необходимости государственного вмешательства в рыночную экономику - от полного отрицания до обязательной необходимости, так и место института рыночной торговли и частного предпринимательства в раздаточной экономике постоянно дискутируется. Это выражается в постоянном обсуждении обществоведами роли товарно-денежных отношений на разных этапах развития российской экономики.

Институт рыночной торговли и частного предпринимательства выполняет в раздаточной экономике следующие функции:

- 1) освоение тех сфер экономики, в которых государство не могло или не хотело заниматься управлением и регулированием;
- 2) дополнение к тем сферам раздаточной экономики, в которых расширение действия раздаточных механизмов и государственного контроля сопряжено с огромными издержками;

3) выполнение задач общественного воспроизводства в тех случаях, когда раздаточные институты и механизмы находятся в кризисе;

4) инновационная функция или апробирование новых подходов, методов, технологий и их внедрение в экономическую практику.

В основные институциональные периоды развития раздаточной экономики институт рыночной торговли и частного предпринимательства находится в согласовании с раздаточными институтами и под контролем государства; он как бы вписан в «тело» раздаточной экономической системы. В переходные периоды он замещает устаревшие раздаточные институты и начинает занимать доминирующее положение. Первая и вторая функции данного института, как правило, реализуются в основные периоды, третья - в переходные, четвертая характерна для обоих периодов.

Институт рыночной торговли и частного предпринимательства в основные периоды институциональных циклов включал не только торговлю промышленными и продовольственными товарами специальными группами населения, но и куплю - продажу (мену) объектами розданной собственности при условии, если на это имелось разрешение. Мена земельными участками была разрешена с древнейших времен, и осуществлялась под контролем государства. «Помещики могли полюбовно меняться своими участками под условием, чтобы эта мена была равна, чтоб обжи пашня пашне землею и всякими угодыями и доходом были равны и не пусты, а государевой службе и подачам при этой мене убытка не было» [40, кн. 4, с. 19].

В то же время меной часто в конце XVII в. прикрывались случаи купли-продажи, когда менялось имение большой стоимости на меньшую и при этом выговаривался придаток. Указ о единонаследии 1714 г. прекратил мену вместе с прочими способами распоряжения недвижимыми имуществами. Впоследствии, при восстановлении других способов, такое дозволение не было распространено на мену.

Купля-продажа земельных участков носила специфический характер в том смысле, что продаже подлежали земли, на которые их владельцы не имели полных прав собственности, и при покупке их новый владелец получал тот же ограниченный, а не полный объем прав. Множество лиц владели землей на праве вечного и потомственного владения, с правом отчуждения другим на том же праве. В таком случае акт купчей принимал характер и наименование посильной грамоты или отступной; именно через подобные сделки передавались тяглые участки. При этом вотчины, которыми владели на служебном праве, могли отчуждаться только с позволения действительного собственника этих имуществ - государства ("с доклада"), в противном случае сделка не признавалась.

Таким образом, существование раздаточной экономики не отрицает наличия в определенном объеме "рыночных" отношений - куплю-продажу, обмена, торговлю и т.д. Важно понять, что эти отношения располагаются в недрах раздаточной экономики и находятся в согласовании с базовым типом отношений. Они находятся на "службе" раздаточной институциональной среды, подобно тому как "раздаточные" отношения (государственные сектора, субсидии и т.д.) в определенных пропорциях мирно сосуществуют с рыночной экономикой в западноевропейских странах и США.

Этот тезис обоснован в работах К. Поланьи следующим образом. *Рынки* - институт, управляемый конкуренцией на основе механизма спроса и предложения, основной целью которого является получение денежных прибылей. Рыночные системы базируются, пусть это не покажется тавтологией, именно на таких рынках. В то же время существуют "рынки" в рамках нерыночных систем, являющиеся искусственной конструкцией с ограниченным доступом, а в делах снабжения, валютного курса и контроля за ценами зависящие от санкций государства. "Поэтому, хотя рыночные институты являются, соответственно, институтами обмена, *рынок и товарообмен* - не одно и то же, ...простое присутствие рыночных элементов или даже рынка без свободного ценообразования не создает экономики, основанной на товарообменной парадигме" [41, с.52].

Глава 4

Институциональные циклы в развитии раздаточной экономики России

1. Общинный раздаток (конец IX - начало XIII вв.)

В первом институциональном цикле основу хозяйства составлял **общинный раздаток**. В рамках общины старейшина распоряжался казной, раздавал пищу и одежду, распределял занятия. Управление всем государством осуществлялось князьями по жалобам членов общин во время полюдя, т.е. во время административно-хозяйственных поездок князя по русским общинам. Одновременно осуществлялся сбор дани, которая сдавалась для содержания князя и его дружины, служащих защите русского государства.

Институциональное ядро раздаточной экономики сформировалось в глубокой древности, с самого начала существования хозяйственной системы России. Только проявлялось оно в примитивных, простейших формах. Однако это было уже то зернышко, из которого выросло все институциональное древо современной хозяйственной жизни России.

На Западе в сравнимый исторический период формировались качественно другие процессы. Главное различие заключалось в формировании отношений собственности. Если в России зародилась общественно-служебная собственность, то на Западе - частная. Общины в Европе строились на основе частной собственности общинников, а князья, осевшие в Европе, сразу становились частными, индивидуальными собственниками земли и впоследствии превратились в феодалов.

Институт раздач. Во времена общинного раздатка институт раздач только начал формироваться. В рамках родовой общины, лежащей в основе хозяйственной жизни того времени, он существовал стихийно, основываясь на обычае. Институт раздач естественным образом был вплетен в ткань общинной экономической организации. Наиболее краткая и точная зарисовка общинной жизни принадлежит перу известного историка С. Соловьева, хотя подобные описания можно встретить довольно часто в исторической литературе: "Деревня состоит из одного рода, который управляется сам собой и сообщается с высшими властями страны посредством своего главы, старши-

ны. Избранный старшина управляет всеми работами, хранит общественную казну, вносит подати, раздает своим детям и братьям пищу и одежду, наказывает их за проступки” [40, кн. 1, с. 92]. Видно, что одной из важнейших и органичных хозяйственных функций, которую выполняет управитель общины - быть “раздавателем пищи и одежды”.

Помимо общинных организаций существовала и княжеская дружина, которая представляла собой одну из разновидностей организаций того времени. Практически в таком же стихийном виде существовал институт раздачи и в княжеской дружине: “Дружина получала содержание от князя - пищу, одежду, коней и оружие. Разумеется, что за раздачей дружине у князя оставалось еще много мехов, меду и воску” [40, кн. 1, с. 213].

К концу первого институционального цикла начинают складываться первые нормы института раздач, поскольку главным элементом раздачи становится земля, а точнее - города или населенные пункты, хотя первоначально это мало интересовало дружинников. “Земли было много у русского князя, он мог, если хотел, раздавать ее своим дружинникам, но дело в том, выгодно ли было брать ее без народонаселения, им гораздо выгоднее было оставаться при князе и получать от него содержание непосредственно” [40, кн. 1, с. 218]. Однако уже в XI в. дружине назначались земельные участки во временное владение.

К концу XI в. стали распределяться земли между самими князьями и вырабатываться первые принципы раздач. “В 1097 году князья, внуки Ярославовы, собрались вместе и решили, чтобы каждый из них держал свою отчину. Что же такое разумелось под отчиною? Отчиною для князя была та волость, которую владел отец его и владеть которою он имеет право, если на родовой лестнице занимает ту же степень, какую занимал отец его, владея означенной волостью, потому что владение волостями условливалось степенью на родовой лестнице, родовыми счетами” [40, кн.1, с. 339]. Интерпретируя приведенную выше мысль современным языком, можно сказать, что в основе раздач главное место занимало должностное положение или статус.

В дальнейшем союз князей регулярно распределяет “сто- лы” на основе выработанных принципов. На Любеческом съезде постановлено: “Кождо де держить отчину свою: Святополк - Киев Изяславлю, Володимир - Всеволожою, Давыд и Олег и Ярославлю; а имже роздаял Всеволод городы...” [8, с.95].

Объектами раздач в период общинного раздатка были и управленческие должности. Это касалось пригородных князей и власти посадников бояр, которые получали провинции на кормление, дающее им право сбора корма натурой. “Печаль бысть ему (Всеволоду Ярославовичу Киевскому) от сыновец своих, сей же, омиряя их, раздаваше власти им” [8, с. 102].

Институт раздач возник как естественная форма хозяйственной жизни, наилучшим образом решая определенные задачи того исторического времени, а именно - обеспечения условиями жизнедеятельности членов конкретных общин, а следовательно, по совокупности и всего общества. Объектами раздач выступали прежде всего предметы потребления, затем земельные владения и управленческие должности, подразумевающие получение определенного дохода. С самого начала принципы раздач были тесно связаны со служебным положением: чем выше социальная позиция, тем более привлекательны объекты раздач.

Институт сдач. В период общинного раздатка сразу сформировались те виды сдач, которые имели место и на последующих этапах, только в разных соотношениях и усовершенствованных формах. К ним относятся прежде всего натуральные и (или) денежные сборы с трудоспособного населения, выполнение “повинностей”, т.е. обязательный труд на общество, государственная служба по управлению хозяйством, военная служба.

Натуральные и денежные сдачи в рассматриваемый период имели форму дани. Дань - первоначально военная контрибуция, платимая побежденным племенем - с течением времени приняла значение родового понятия, включавшего все обязательные платежи населения в пользу князя. Предметы, которыми взималась дань в древнейшее время, являлись натуральными продуктами: мед, шкуры пушных зверей, зерновой хлеб, лен,

домашние животные. В то же время дань взималась и деньгами, сначала иностранными, а затем собственными денежными единицами.

Методы выработки нормативов сбора дани полностью соответствовали тому историческому периоду. Норматив должен был установиться на такой величине дани, которая позволяла бы осуществлять все необходимые расходы князьям, и в то же время оставшиеся продукты и блага могли обеспечивать воспроизводство населения. Такие нормативы и были установлены после хорошо известных драматических событий. Напомним, что в 945 г. после того, как князь Игорь, закончив сбор дани, вернулся за дополнительными поборами, древляне убили его, тем самым показав, что больше не могут и не будут отдавать. Княгиня Ольга, жена Игоря, отомстив непокорным племенам, все же установила *уставы и уроки* - первые нормативы сдач. "Под именем устава должно разуметь всякое определение, как что-нибудь делать, под именем урока всякую обязанность, которую должно выполнять к определенному сроку, будет ли то уплата известной суммы денег, известного количества каких-нибудь вещей или какая-нибудь работа" [40, кн. 2, с. 148]. В дальнейшем, по историческим свидетельствам, дань взималась в цифрах определенных и постоянных.

Механизм взимания сдач в рассматриваемый период включал установление единицы обложения, законодательную основу и собственно технологию сбора.

Во времена общинного раздатка сформировались единицы обложения населения - по *дымам* или *сохам*, означающие в сущности одно и то же: участок земли обрабатываемый силами одного домохозяина. Распределение по сохам делало само население, государство исчисляло дань по погостам, т.е. по определенным территориальным единицам. Первичной законодательной основой сбора дани являлись уставные грамоты князей. Способом взимания дани в этот период сначала было полюдье - "русские князья со своею дружиною выходили из Киева при наступлении ноября и отправлялись в земли подчиненных им племен славянских" [40, кн. 2, с. 215]. С XI в. князья посылают вместо себя для сбора дани специальных данщиков. В XII-

XIII вв. дань доставлялась из пригородов посадниками, а в пригороды самим населением.

Вторым достаточно распространенным видом сдач в этот исторический период являлись *повинности*, или выполнение определенных общественных работ. На данном историческом этапе к повинностям относился *повоз* - обеспечение средств передвижения для военных дружин, для княжеских данщиков и гонцов, *градоделание* - постройка и поправка укреплений всей волостью, постройка и починка мостов и т.д.

Военная служба также являлась важным видом сдач. Военные силы состояли из дворов княжеского (дружины) и боярских, и народного ополчения. Народное ополчение составлялось из всех взрослых мужчин городского и сельского населения.

Институт сдач является обязательным дополнением института раздач, поэтому они формируются одновременно. Однако институт сдач имеет собственную структуру для выполнения присущих ему функций. На первом институциональном цикле сразу сформировались все элементы института сдач, являющиеся исходным пунктом его дальнейшего развития.

Институт административных жалоб. В период общинного раздатка русские князья отправлялись с дружиной к подчиненным племенам, чтобы - как свидетельствуют исторические источники - "исполнять свои обязанности относительно народонаселения" [40, кн. 1, с. 215]. По жалобам своих подданных князь вершил суд и расправу, изменял величину дани. Право жалобы впервые было закреплено в уставных грамотах князей.

Уже на первом этапе развития раздаточной экономики административные жалобы подразделялись на гражданские, т.е. исходящие от рядовых граждан и на управленческие, т.е. исходящие от лица или социальной группы, занимающих определенное положение в структуре управления. Вот пример механизма действия управленческих жалоб в тот исторический период: "Владимирцы, которые находились в пригородных отношениях к Ростову, притесняемые князьями, обращаются с жалобами к ростовцам. Ростовцы на словах были за владимирцев,

но на деле не удовлетворяли их жалобам, и тогда владимирцы призывают других князей” [40, кн. 1, с. 661-662].

Институт административных жалоб, включающий как управленческие, так и гражданские жалобы, является важнейшим естественным каналом обратной связи в раздаточной экономике, обеспечивающий ее стабильное функционирование. Именно поэтому он был вызван к жизни на самых ранних этапах развития раздаточной экономики в России в формах, наиболее соответствующих тому историческому времени.

Институт общественно-служебной собственности. Во времена общинного раздатка общественно-служебный характер собственности только зарождался. В этот период русские князья установили очередное правление и не индивидуализировали права собственности на землю. Единой государственной властью для русской земли была коллективная власть всего княжеского рода, основанная на союзе князей как равных друг другу членов. Вследствие этого субъектами раздач различного рода благ выступали князья. Отсюда и название первой формы общественно-служебной собственности - княжеская. Основным типом хозяйственных организаций являлись в этот исторический период общины, в рамках которых осуществлялся процесс производства. “Воображая себе русское общество древних времен, видишь бесчисленное множество маленьких общин, по всему лицу земли русской рассеянных и имеющих своего распорядителя, и составляющих свой маленький мир” [31, с. 7].

В период общинного раздатка в рамках первичной формы общественно-служебной собственности возникла и существовала *полюдная* модель управления. С точки зрения управленческой модели, *полюдьё* - “это административно-финансовая поездка князя по подвластным племенам” [19, т. 1, с. 165]. В ее основе лежит принцип подчинения покоренных или “примученных” племен. *Полюдьё* представляло собой по образному выражению Владимирского-Буданова “как бы военные походы, периодически повторяющиеся завоевания” [8, с. 105].

Механизм координации сдаточно-раздаточных потоков в этот период состоял из установленной единицы обложения, специально созданных мест сбора дани - *погостов*, а также документов, определявших величину дани - *уставные грамоты* князей. Князья производили описи своих владений, которые включали численность погостов и определение объема сдач. Первоначально личный доход князя полностью сливается с финансовыми средствами государства, поскольку интересы князя во многом совпадали с интересами государства. Немецкий историк Гагемейстер, изучавший русскую историю, установил, что на частные нужды князей приходилось 1/3 доходов, а на общественные потребности - 2/3 [8, с. 104].

Общественно-служебная собственность есть необходимое условие существования институтов раздач - сдач - жалоб. Связь между ними взаимно однозначная: институт общественно-служебной собственности всегда порождает отношения сдаточно-раздаточного характера и включает жалобы с целью корректировки потоков сдач-раздач. При этом в рамках института общественно-служебной собственности заданы определенная модель управления, базовый тип хозяйственной организации и механизм координации сдаточно-раздаточных потоков. В первом институциональном цикле существовала общинная форма хозяйствования и полудная модель управления.

Финансовые институты. Во времена общинного раздатка дань взималась не только натуральными продуктами, но и деньгами, а следовательно тогда и появились первые зачатки финансовых институтов, которые обслуживали процесс сдачи. Собственная денежная единица первоначально воплощалась в виде некоторых натуральных продуктов, которые и сдавались в виде дани. Это - скот, куны, гривна. С X в. гривна становится единственной денежной единицей. «Припомним, что древнейшую дань, о которой говорит Начальная летопись, Русь платила своим князьям или сторонним завоевателям мехами. Олег брал дань с древлян с избы по черной куне, т.е. по соболю. Термин «куны» получил значение денег, денежных знаков вообще» [19, т. 6, с. 209]. Впрочем, если говорить в общем, финансовые институты I институционального цикла находились в зачаточном со-

стоянии. Но важно понимать, что их «зачатие» осуществлено именно сдаточно-раздаточными отношениями.

2. Поместный раздаток (конец XIV - середина XIX вв.)

Во втором институциональном цикле господствовал *поместный раздаток*, при котором вся земля и средства производства раздавались ступенчато: государство наделяло помещиков, а они - крестьян. Потоки сдач также были двухступенчатыми: один - в государственную казну в виде податей и повинностей, другой поток, на основе крепостного права, направлялся помещику в виде оброка и барщины. При этом помещики, также как и крестьяне, были обязаны служить по военным и хозяйственным делам государства на основе поместного права. В этот период окончательно сложилась ведомственная система управления, когда управленческие функции были закреплены за определенными ведомствами, принимавшими решения с учетом члелобитных от всех слоев населения.

Институциональное ядро второго цикла приобрело более развитые формы, а сама раздаточная экономика России сделала дальнейший шаг в своем развитии. В сравнимый исторический период на Западе сформировалась феодальная система, которая имеет два принципиальных отличия от раздаточной экономики: основу феодализма составляет частная собственность, в то время как основу раздаточной экономики составляет общественно-служебная собственность. При этом базовые поземельно-служебные отношения при феодализме носят договорной характер, а в условиях раздаточной экономики - обязательный.

Институт раздач. Во времена поместного раздатка институт раздач постепенно приобрел более развитые и совершенные формы. Объектами раздач на протяжении всего цикла выступали всякое недвижимое имущество, т.е. не только земли (населенные и ненаселенные), но и дворы в городах, промыслы, охота и рыболовство, а также денежное жалованье и крестьянские души. Основная технология раздач имела форму пожалования для высших слоев общества и систему испомещения для основной массы служилого населения.

Источниками земельных раздач выступали вновь присоединенные территории, которые попадали в классификацию казенных земель. Кроме того, общий запас земли для раздачи в поместья и вотчины состоял из дворцовых земель, а также земель, поступивших в казну путем выморочности, конфискации и экспроприации.

Законодательной основой раздач во втором институциональном цикле служило поместное право, право пожалования, посессионное право и крепостное право.

Поместная система являлась основой института раздач в данный исторический период, поскольку она определяла точные правила раздачи земель в поместное владение. Всеми делами по распределению земель и управлению поземельными отношениями служилых людей заведовало особое центральное учреждение - Поместный приказ. В нем велись списки служилых людей с разделением их на статьи по размерам поместного владения и по окладам денежного жалованья.

В поместном праве были четко сформулированы:

- условия предоставления участка земли - исключительно под условие службы: “поместьями могут владеть только лица, служащие государству и никто другой” [8, с. 539];
- правила распределения земельных участков - в соответствии с должностным положением: “оклад - по чину, дача - по вотчине и служебному возрасту, придача и к окладу и к даче - по количеству и качеству службы” [19, т. 2, с. 210];
- сроки владения - первоначально допускалось только пожизненное владение, но в начале XVIII в., когда было разрешено наследование, появилось понятие “родовое поместье”.

Истощение запасов земель, годных к раздаче, привело к постепенному введению денежного жалования, которое в XVI и XVII вв. давалось в дополнение к поместьям и соизмерялось с величиной поместной дачи.

На поместном праве раздавались дворы в городах (“данные”) и огороды, которые нельзя было продавать. Но если владельца переводили на новое место по распоряжению прави-

тельства, то ему позволялось продать прежний двор и «данное» место.

Право *пожалования* сначала дополняло поместное право, а затем с времен Петра I полностью его заменило. В большинстве случаев земли жаловались за долговременную службу, за храбрость в военных баталиях, «за *трудолюбие и ревностное попечение, что во время войны денежные платежи исправно текли*» и т.п. [38, с. 214]. Пожалование производилось письменным именованным указом сенату, который прочитывался на заседании первого департамента и сообщался для сведения в третий. Нередко в указе выставлялся и мотив пожалования. Форма указа была обыкновенно такова: «*Всемилоостивейше жалует (такие-то села и деревни) в полное и потомственное (или в вечное и наследственное) владение со всеми землями, лесами и всякими принадлежащими угодьями*» [38, с. 215, 513].

Способ совершения пожалования состоял в выдаче жалованной грамоты и затем "отказа" - ввода во владение, совершаемого местными властями, которые получив отказную грамоту, составляли отказную книгу, т.е. самый акт ввода. Под *жалованными грамотами* понимались дарственные акты на имущество от государства частным лицам, которые содержали в себе пожалование недвижимого имущества, угодий и промыслов или укрепляли сделки на недвижимое имущество между частными лицами, а также между этими последними и главой государства. Важно отметить, что это не простое утверждение или укрепление частных сделок возмездных или безвозмездных. Дозволение предшествовало сделке, а не сопровождало ее; государство вмешивалось в нее элементом своего пожалования.

Право пожалования распространялось и на звания. Например, «гость есть звание, пожалованное великим князем какому-либо торговцу» [8, с. 147]. Причем пожалование сначала давалось каждому лично, а затем была выдана общая жалованная грамота классу гостей, предусматривающая всевозможные привилегии.

Крепостное право лежало в основе раздачи крепостных крестьян во владение частным лицам. В основном раздавались государевы крестьяне из дворцовых вотчин. Массовая практика

раздачи крестьянских душ зафиксирована на протяжении середины XVII в. до конца XVIII столетия. Так, при Екатерине II было роздано 800 тыс. душ обоего пола, при Петре I - 43 655 населенных дворов с крестьянами, при Петре III - 5000 душ; Павел, вступив на престол, роздал своим приверженцам 100 тыс. крестьян с миллионом десятин казенной земли.

Посессионное право имело ограниченную сферу действия. Это “право вечного владения отведенными казной имениями и крестьянами, а также населенными имениями, даруемое фабрикантам и горным заводчикам с условием постоянной поддержки этих фабрик и заводов” [8, с. 552]. Законы XVIII в. называли такие имения казенными и предписывали строгий за ними контроль. Посессионный владелец мог продать деревни, предписанные к заводам и фабрикам, но лишь все вместе и с разрешения соответствующей коллегии.

Неотъемлемым элементом института раздач является установление объема прав по распоряжению выданным материальным объектом.

Право наследования на поместья вводилось постепенно и к 1714 г. указом о единонаследии различия в правах наследования между вотчинами и поместьями исчезло.

Мена поместьями является древнейшим из прав распоряжения, дозволенных помещикам. До Уложения 1649 г. позволялась только мена поместья на поместье, после Уложения - и на вотчину. Уложение сняло и другие ограничения мены, но зато позаботилось о равенстве меняемых предметов: чтобы населенное поместье не было поменено на пустую вотчину. Мена была позволена лишь с согласия правительства - поместья “расписывались” в поместном приказе. В 1649 году было разрешено меняться поместьями на кормовые деньги, т.е. на жалование. Однако законодательство долго колебалось: допустить или нет открыто продажу поместий и в результате допущен был вариант продажи поместья за долги при несостоятельности. Все упомянутые сделки могли быть совершены не иначе, как с дозволения правительства, через поместный приказ.

И, наконец, институт раздач во втором, как и в первом, институциональном цикле включал в себя *право изъятия*. В начале периода каждый новый князь мог взять пожалование назад, поэтому при перемене князя и при вступлении в наследство получившего пожалование каждый раз приходилось обращаться с просьбой о подтверждении грамоты. В XVIII в. регулярная практика изъятий привела к тому, что существовали имения конфискованные или отписные или выморочные, находившиеся в ведомстве особой канцелярии конфискации. Отписывались имения за недоимки, за долги банку, за разные вины владельцев, у вельмож, впавших в немилость при перемене правительства.

Институт раздач характеризовался *многоуровневой технологией*, которая распространялась на все виды (земельных и пр.) имуществ. Так, например, сначала государство наделяло церковь землями, а затем церковные учреждения раздавали земли своим служилым людям или на правах жалованных вотчин (без права свободного отчуждения), или на правах поместного владения. То же правило действовало для общин. Община получала земли от государства, а затем она ведала раздачей участков необработанной или запустевшей земли новым поселенцам в срочное или бессрочное содержание. Сама же община имела полное право распоряжения землей и угодьями только внутри себя самой, среди прав отчуждения в актах встречается только мена. Другой массовой практикой, являющейся следствием отмеченной черты института раздач, является “подмога”, которую крестьянин обыкновенно получал деньгами или вещами от землевладельца при поступлении к нему на работу. Без этой подмоги (например, скот, орудие) он не мог начать обработку земли.

Институт раздач второго институционального цикла в сравнении с первым приобрел более совершенную законодательную базу, в связи с чем усилилась его легитимная основа. На этом институциональном цикле форма института раздач была адекватна своему историческому времени и соответствовала задачам хозяйственной жизни периода поместного раздатка.

Институт сдач. Во времена поместного раздатка полностью обнажилась сущность и природа института сдач. В этот исторический период в явном виде обнаруживаются связи между институтом раздач, служебной организацией труда и институтом сдач. Дело в том, что государство закрепило за всеми слоями населения определенные обязанности: одни должны были служить по хозяйственным и военным делам, другие - кормить, тех кто служит. Таким образом все слои населения осуществляли отдачу трудовых усилий в разных формах и в том объеме, в каком установлено через институт сдач. Поэтому для осуществления предписанных служебных обязанностей население получало через институт раздач части общественно-служебной собственности с правами по ее использованию.

В данный исторический период в основе института сдач лежала государственная тяговая система, в которой определялись виды сборов (*подати, кормы*) и их окладные единицы, а также все виды повинностей для населения, которое так и именовалось тяглым или податным. *Подать* стала исторической преемственницей дани, оба термина использовались в финансовой практике как синонимы: “термин дань окончательно утвердился за внутренней податью” [8, с. 105]. *Кормы* - это сборы, которые шли областным управителям, взимавшиеся ими при вступлении в должность и в установленные дни (на Петров день и на Рождество) в виде хлеба, мяса и сена. Кормы существовали и в первом институциональном цикле, только в другой форме - “кормы - древние полюдья, только иначе взимающиеся” [19, т. 6, с. 162].

Единицей обложения первоначально служила соха, как и на первом институциональном цикле, лежащая в основе пососшной системы обложения. Затем в начале XVII в. такой единицей стала “живущая четверть”, которая с конца 70-х годов XVII в. сменилась подворной податью. Реформы Петра I привели к установлению подушной подати, которая просуществовала до конца XVIII в.

Периодические изменения единицы обложения были вызваны поиском адекватной меры сдачи части произведенного продукта в государственную казну. Главный принцип состоял в

том, чтобы обложение осуществлялось пропорционально возможностям каждого в соответствии с общественными потребностями.

Как и на предыдущем институциональном цикле, на данном историческом этапе вплоть до конца XIX в. податные возможности населения определялись величиной земельного надела и количеством трудоспособных членов семьи. Поэтому все упомянутые единицы обложения учитывали оба эти обстоятельства. Так, утвердившаяся почти на два столетия подушная подать рассчитывалась по ревизской душе. «Под ревизской душой стали разуметь известную меру рабочих сил и средств, прилагаемых тяглым человеком к соответственно тяглому же земельному участку или промыслу, с причитающейся на них по разверстке долей государственного тягла» [19, т. 6, с. 162].

Поместная система определяла не только правила раздачи земельных участков, но и устанавливала сроки и характер службы - государственной или военной, и этой своей стороной была встроена в институт сдач. В первой половине XVI в. была точно определена мера службы с земли, т.е. тяжесть ратной повинности, падавшей на служилого человека по его земле. Так, со 100 четвертей земли дворянин обязан был быть сам на коне и с каждой следующей сотни четвертей ставить конника в своей свите.

Социальный слой населения, обязанный службой (придворной, военной, гражданской) и пользующийся за нее земельными владениями на условном праве, назывался *служилым*. Дворянин XVI в. начинал свою службу обыкновенно с 15 лет, до этого он числился в недорослях. Придя на службу и записанный в служилый список, он становился «новиком». Тогда его в зависимости от первых служебных опытов верстали поместьем, а по дальнейшим успехам и денежным окладом, к которому потом бывали придачи за службу. Когда умирал служилый человек, его поместье уже в XVI в. оставляли за не верстаным (не имеющим еще земли) взрослым сыном. Но из поместья выделялись известные доли на прожиток (пенсию) вдове и дочерям умершего. Вдове - до смерти, дочерям - до 15 лет, когда они могли выйти замуж. «Так, в служилой семье все дети служи-

ли: достигнув призывного возраста, сын - на коня, защищать отечество, дочь под венец, готовить резерв защитников" [19, т. 2, с. 214].

Крестьяне, проживающие на помещичьих землях, также должны были осуществлять сдачи в форме оброка и барщинных повинностей, при этом они не освобождались и от государственных податей. *Оброк* обыкновенно уплачивался натурой (хлебный оброк), или в виде части урожая, или в определенном, установленном количестве хлеба с выты (земельной единицы обложения). Иногда оброк переводился на деньги (денежный оброк). Величина оброка определялась не для каждого отдельного крестьянина, а устанавливалась на длительный срок для целой вотчины или села. Хлебный или денежный оброк дополнялся поборами в виде продуктов питания (сыр, яйца, мясо, хлеб печеный, пиво, лен, куры и проч.); впрочем, увеличение количества этих поборов понижало нормальный оброк и наоборот.

Важнейшая часть отношений крестьян и землевладельцев состояла в барщинных повинностях. Они включали разнообразные виды сельскохозяйственных и строительных работ, устанавливаемых землевладельцем.

Крепостное право по своей сути было одним из юридических выражений служебной организации труда в раздаточной экономике второго институционального цикла. Прикрепление крестьян к земле имело совершенно тот же смысл, что и прикрепление служилых и посадских людей. Экономическая сущность крепостного права состояла в том, что "крестьянин не был прикреплен ни к земле, ни к лицу: он был, если можно так выразиться, прикреплен к государству; он был сделан государственным работником при посредстве помещика" [46, с. 273].

Городское население также было охвачено институтом сдач. Так, гости (купцы) на основе пожалованной грамоты не только имели привилегии, но и состояли на финансовой службе: заведовали таможнями и «кружечными» дворами, оценивали и распределяли меха из Сибири, поступавшие в царскую казну и т.д. В присутственных местах, ведавших этими отраслями управления, гости занимали места голов и дьяков. Для отпра-

ления этой службы всякий торговый человек, возведенный в звание гостя, должен был переселяться из родного города в Москву.

Посадские общины, как и сельские волости, платили подати, отправляли повинности и не были освобождены от личной службы государству - через поставку *даточных* людей в войска, постройку и поправку городских укреплений и пр.

Со времени появления промышленных заведений при Петре I на службу государству были поставлены и предприниматели: "ясно, по мысли законодателя, частные предприниматели являются лишь промышленными агентами казны" [8, с. 555]. Истинным хозяином фабрик, мануфактур, рудокопных заводов была мануфактур-коллегия: частные предприниматели не только были обязаны брать разрешения по их устройству, но у тех из них, которые запустили бы фабрики, они отбирались в казну. Фабриканты обязаны были ежегодно доставлять образцы своих изделий мануфактур-коллегии. Заводчик уплачивал казне 10-ю долю прибыли, кроме того добытые металлы продавались заводчиками в казну по таксе, назначенной берг-коллегией, и лишь тогда, когда казна не хотела или не в состоянии была купить, заводчик получал право вольной продажи.

Воинская повинность этого исторического периода также была охвачена институтом сдач, как и на предыдущем цикле. С XV в. эта повинность сводится к посошной службе: поставка ополченцев (как и все другие повинности) разложена на сохи. Со времен Петра I была введена рекрутская повинность, т.е. те из податного населения, на которых пало рекрутство, обязаны были состоять пожизненно в регулярных частях.

Институт сдач времен поместного раздатка, подобно институту раздач, получил дальнейшее законодательное и организационное развитие. Он также усовершенствовал свои формы для решения хозяйственных задач рассматриваемого исторического периода.

Институт административных жалоб. В период поместного раздатка институт административных жалоб прошел эволюцию от стихийных форм до определенного развитого со-

стояния. В основе этого института на данном этапе лежала подача челобитий письменно или устно – на земских соборах. “Все значение сословий в области законодательства сводится к праву жалобы. То же единственное формальное право рельефно выделяется и в отношении к государям низших чинов” [31, с. 137].

Роль жалоб как сигналов обратной связи в раздаточной экономике России в данный исторический период блестяще раскрыта в работе Дитягина [13]. В период московского государства духовенство, служилые люди, посадские, волостные и “всяких чинов” люди “били челом государю, царю и великому князю” о всяких своих тяготах, обидах и разореньях. Посадские и крестьянские старосты и выборные люди несли и везли свои “челобитья великие” в Москву самому царю или в приказы царские. Эти челобитья не оставались гласом вопиющего в пустыне. Хотя московские цари и видели в них “докуку безпрестанную”, но ответом на них всегда было рассмотрение затрагиваемого вопроса и почти всегда удовлетворение жалоб и ходатайств. “Мир” пользовался правом жаловаться на злоупотребления, и жалобы выслушивались, просьбы исполнялись, правительство злоупотреблениям не потакало.

Челобитные подавались от имени отдельных лиц, от целых сословий, общин или от всех лиц, входящих в их состав. Они подписывались или всеми челобитчиками или несколькими выборными представителями сословия или общины. Челобитная начиналась со слов: *“Царю и великому князю всея Руси бьют челом холопи и сироты твои государевы”* и несколькими челобитчиками везлись в Москву. Прибыв в Москву, челобитчики жили где-нибудь на подворье, выжидая “как государь куда пойдет”, чтобы при этом удобном случае и вручить ему свою челобитную. Такая подача челобитных лично самому государю практиковалась до издания Уложения царя Алексея Михайловича. В виду этого при каждом выходе царя его сопровождали боярин и дьяк из челобитного приказа. Из челобитного приказа челобитные поступали на рассмотрение царя в боярскую думу. Решение царя пишется думными дьяками на самих челобитных, которые после этого снова возвращаются в челобитный приказ.

Подъячие челобитного приказа читают царское решение или ответ на челобитье “на площади, перед царским двором, всем людям”, а по прочтению отдают челобитную “именно тем людям, чья та челобитная будет”. Но иногда челобитные направлялись прямо в челобитный приказ и оттуда выдавались на руки челобитчикам.

Уложение 1649 г. уже запрещает, под страхом наказания батогами и тюрьмой, лично обращаться к государю и предписывает сначала обращаться в соответствующий приказ. Подписная челобитная, т.е. челобитная, возвращенная в соответствующий приказ с надписью на ней слов - “царь указал и бояре приговорили”, за которыми следовало изложение самого приговора - обращалась в закон.

Содержание челобитных было в высшей степени разнообразно и касалось всех вопросов тогдашнего управления в самом широком смысле этого слова: вопросы организации и функций административных учреждений (правда, только местных), вопросы податные и финансовые вообще, вопросы тяглого сословного строя и т.д. По экспертной оценке Дитятина, содержание челобитных было так же разнообразно, как и содержание тех царских указов и грамот и боярских приговоров, которые вызывались ими к жизни. Челобитные затрагивали все сферы внутреннего административного строя, все стороны общественных отношений, которые регулировались в значительной степени под влиянием челобитных, и тех предложений и мер, которые указывались московскому правительству в этих челобитных.

Вот наиболее значительные примеры влияния челобитных на формирование соответствующей институциональной среды, представленные в исторической литературе:

- Реформирование местного управления при Иване Грозном, состоящее в *отмене системы кормления*. В период существования кормленщиков выработался порядок должностной ответственности по жалобам. По окончании срока очередного кормленщика обыватели, потерпевшие от произвола управителей, могли жаловаться на его действия, если находили их неправильными. Вскоре жалоб стало так много, что царь изменил

всю организацию управления, заменив правительственные органы, назначавшиеся им самим в Москве из среды своих служилых людей, выборными головами из среды самого населения.

- *Поместная система* также сложилась под сильным влиянием челобитных. Московское законодательство, начиная с конца XV в. обращает серьезное внимание на поземельные отношения. Огромное количество челобитных и данных по их поводу указов - по мнению специалистов - касаются именно поземельных отношений [36, с. 531]. В этой связи большой интерес представляет “Указная книга поместного приказа”, обнаруженная еще в конце XIX в. В.Н. Сторожевым. Из этого документального источника видно, что многие важнейшие законодательные акты по поместному вопросу фактически были ответами на коллективные дворянские челобитные. “Указная книга” послужила фундаментом той части Уложения 1649 г., которая посвящена поместному праву.

- *Крепостное право* складывалось постепенно и по тому направлению, какое ему задавали челобитные служилых людей. “В этих челобитных выразилась инициатива многих отдельных мер, к которым прибегло московское правительство для достижения полной крестьянской крепости земле; под влиянием этих челобитных изданы все указы о сыске крестьян, сбжавших с земли одного владельца на земли другого, об “урочных годах”, в течение которых сыск допускался, о водворении их на старых местах и т.д.” [13, с. 284].

- *Новоторговый устав*, изданный в 1667 г. с целью установить “свободные торги” явился результатом “всемилосердаго царского воззрения на всенародное слезное челобитие” [8, с. 238].

- По историческим свидетельствам можно сделать вывод и о том, что составление Уложения 1649 г. вызвано челобитными различных слоев населения московского государства. Роль жалоб в раздаточной экономике России в качестве сигналов обратной связи выразилась в том положении, какое занимал *челобитный приказ* среди других ведомств в период с 1550 - 1649 гг., когда подготавливалось Уложение. Челобитный приказ превратился в подготовительное законодательное учреждение и в

общее хранилище законов, куда обращались другие приказы, желая осведомиться, нет ли уже указа по вопросу, который определенному приказу казался новым [8, с. 233].

- Первая попытка государственного *регулирования цен* также начиналась с жалобы. В 1601 г. посадские люди обратились в Москву с жалобой на то, что местные торговцы подняли цены на хлеб. Царь Борис указал ввести в данном посаде единую цену на хлеб, обязательную для всех. Чтобы покончить со спекуляцией, указ вводил нормированную продажу хлеба [39, с. 41].

- Именно по жалобам осуществлялся контроль за соблюдением установленных правил взаимодействия между помещиками и крестьянами. По свидетельствам Г. Котошихина, когда боярам и другим чинам “даются поместья и вотчины, то им пишут в жалованных грамотах, что им крестьян от сторонних людей и всяких обид и налогов оберегати и стояти, а подати с них имати по силе, с кого, что можно взяти, а не через силу, чтоб тем мужиков своих из поместий и вотчин не разогнать и в нищие не привести. А будет который вотчинник или помещик ...учнет с их имати поборы великие... и будет на такого вотчинника и помещика *челобитье*, что он над ними так и чинил, то у таких помещиков и вотчинников поместья их возьмут назад на царя и впредь не будут даны до веку “ [8, с. 541-542]. Историческая литература свидетельствует, что у помещиков, которые разоряли своих крестьян, имение отбиралось.

- Жалобы являлись ограничителями для увеличения сборов с населения. В.О. Ключевский иронически замечает на этот счет: “При новом расходе, не покрываемом наличными поступлениями, московское правительство обращалось к своей привычной финансовой арифметике, пересчитывало списочных плательщиков, по их числу распределяло “всвал” понадобившуюся сумму и предписывало собрать ее с угрозами за недобор в виде единовременного “запроса” или единовременного налога. Недоимки и докучливые жалобы, что платить невмочь, служили единственными сдержками такой беспечальной финансовой политики” [19, т. 3, с. 251].

Институт административной жалобы в этот период включал также *челобитные*, подаваемые на *земских соборах*. За счет этого расширялся канал связи между управляющими и управляемыми. “Соборы представляются несомненно полезными, как средство непосредственного общения государя с землей: из челобитных выборных людей государи прямо знакомились с потребностями страны, недостатками управления и злоупотреблениями органов администрации” [13, с. 295].

Со времен Петра I и до конца второго институционального цикла институт административной жалобы существенно рационализировался. Прежде всего был издан ряд указов, запрещавших людям всех сословий обращаться с просьбами и жалобами на высочайшее имя помимо правительственных учреждений. Были разработаны подробнейшие правила для “прошений и жалоб, подаваемых в правительственные и судебные места и к тем лицам, кои по законам принимать оные должны” [33]. Введена специальная должность рекетмейстера, который принимал и рассматривал жалобы от челобитчиков на медленное или неправоое решение их дел в коллегиях. В дальнейшем первой инстанцией приема жалоб являлись смешанные присутствия, второй и последней - административные департаменты правительствующего сената.

По мере развития поместного раздатка все новые слои населения наделялись правом жалобы. Так, с появлением песссионных рабочих им разрешалось жаловаться на постановления фабриканта и подавать жалобы в департамент мануфактур и внутренней торговли министерства финансов. В то же время во второй половине XVIII в. соответствующим указом было отобрано право жаловаться у крестьян, тем не менее жалобы крепостных принимались, если они были переданы по установленным каналам.

Жалобы, дополнительно к функции сигнальной системы, выполняли роль критерия удовлетворительности функционирования раздаточной системы России в целом. Р.Пайпс подметил, что “Екатерина II объясняла это таким образом: я устанавливаю ежегодную сумму, всегда одну и ту же, на расходы, связанные с моим хозяйством. Покуда мне поставляют то, что я приказала, и никто не жалуется, что его обошли, я считаю себя удовлетво-

ренной.” А затем Пайпс сделал более общий вывод о том, что «в принципе такая же система преобладала на всех ступенях российского управления по крайней мере до 2-й половины XIX в.» [32, с. 238].

Действительно, опыт исторического развития раздаточной экономики показывает, что если не контролировать количество жалоб, могут возникать ситуации “смуты”. “Жалобы, накопившиеся в царствование Михаила, произвели взрыв в Москве и других городах в начале царствования Алексея, следствием чего было Соборное Уложение, уничтожение закладничества, мера против английских купцов” [40, кн.7, с. 39].

Институт административных жалоб второго институционального цикла, также как и в первом цикле, улавливал информацию от всех слоев населения и передавал ее к лицам, осуществляющим экономическую и социальную политику. Вместе с тем институт административных жалоб значительно рационализировался: именно во втором цикле начался переход от непосредственной жалобы правителю к опосредованным жалобам через структуру соответствующих ведомств.

Институт общественно-служебной собственности. Во времена поместного раздатка институт общественно-служебной собственности также получил дальнейшее развитие.

Во-первых, в явном виде был представлен и закреплен в юридических нормах служебный характер собственности на землю. Правило первого институционального цикла “кто служит, тот и пользуется землей” трансформировалось в правило “кто пользуется землей, тот и служит”.

Во-вторых, всем обществом было усвоено, “что общий и первоначальный принцип в вопросе о субъекте и его правах на пожалованные имущества был следующий: дарение не переносит общих прав собственности на одаряемого: в правах на дар продолжает участвовать и даритель” [9, с. 536]. В связи с многоступенчатостью технологии раздач это приводило к наслоению прав разных субъектов на одну и ту же вещь, т.е. государства, родов, общин и частных лиц. Государство владеет землями

сельских и городских общин, и даже в очень позднее время земли этого рода именуются государственными.

Управление общественно-служебной собственностью во втором институциональном цикле происходило с помощью *поместно-крепостной* модели, в основе которой лежало уже не прямое подавление как в полюдной модели, а законодательное прикрепление к земле в той или иной форме всех слоев населения. Крепость определялась как запись, документ, свидетельство, выданное судебным местом на право владения недвижимой собственностью. На крепостное крестьянство смотрели так же, как и на поместные земли: это государственное достояние, уступленное на время частным лицам и учреждениям.

Органы управления в этот исторический период существенно модифицировались, но на базе тех форм, которые были изобретены вначале второго цикла. Такими специфическими организационными формами стали *ведомства*. Высший класс служилых именовался “боярами введенными”, т.е. введенными во дворец для постоянной помощи великому князю в делах управления. Бояре введенные получали кормления, т.е. наместничество в городах. С середины XV в. до середины XVI в. происходит переход от личного управления к организации учреждений. Определенному лицу поручается особое ведомство как постоянное, при этом ведомства становятся сложными по своему составу.

В период с XVI в. по XVII в. действуют специальные учреждения - *приказы*. Из личного управления дворецкого и казначеев возникают древнейшие дворцово-финансовые приказы: большого дворца и большой казны. Из военных - разряд, из судебно-административных - холопий приказ, затем разбойный и поместный, из ведомства иностранных дел - посольский, из центрально-областных - некоторые четверти и судные приказы.

Умножение и обособление приказов относится преимущественно ко времени Михаила Федоровича, попытка к соединению однородных органов и упрощение системы относится к 1680-м годам, что было закончено Петром I через учреждение *коллегий*. С 1720 г. было организовано 12 коллегий, причем

почти все эти коллегии преобразованы из прежних приказов; кроме того многие прежние приказы были просто сохранены. К концу XVIII в. коллегии были постепенно закрыты и на их месте образованы *министерства*, правила функционирования которых еще неоднократно корректировались.

Хозяйственная деятельность во втором институциональном цикле осуществлялась в поместьях и вотчинах, впоследствии, с XVIII в. на фабриках и заводах. Крестьянское хозяйство посредством ссуд, льгот, изделий и оброков так сильно переплелось с барским хозяйством, что обеим сторонам было трудно разграничиться. Это делало землевладельца инспектором крепостного труда и ответственным сборщиком казенных податей со своих крестьян. Подати превращались для крестьян в одну из статей барского тягла, подобно тому как крестьянское хозяйство, с которого шли эти подати, входило в состав барского имущества.

Элементами механизма координации сдаточно-раздаточных потоков в период поместного раздатка служили *писцовые книги*, т.е. периодические кадастры государства, а также *рописи* и *передел* общинных земель.

Писцовые книги состояли из описания земель по количеству и качеству; населенных мест, где исчислялись дворы; доходности земли (урожайности); повинностей в пользу землевладельцев и местных властей и, наконец, сравнительной ведомости о прибыли или убыли доходов по сравнению с прежним описанием.

Провинциальные власти обязаны были составлять "окладные росписи" - проект доходов и расходов по данной провинции и "сметные списки" - отчет о действительном исполнении прошлого года. Уездные росписи сводились в областном городе в общую областную роспись. Из местных росписей в Москве составлялись общие росписи по каждому отдельному финансовому ведомству, с XVIII в. составлялась общая государственная роспись. Впрочем, роспись дает лишь приблизительное представление о государственном хозяйстве того времени: много денег получалось и расходовалось на местах.

Элементом балансировки потоков сдач-раздач также являлся *передел* общинных земель. Земля распределялась соразмерно с рабочей и податной мочью крестьян, т.е. земля делилась между дворами по наличным рабочим силам каждого двора и делилась принудительно, навязывалась. Это происходило потому, что размером надела определялась для каждого крестьянина соответственная тяжесть сословных обязанностей, падавших на крестьянство; как скоро это соответствие ходом нарождения и вымирания нарушалось, земля переделялась для восстановления равновесия. Переделы происходили через 10-летние периоды, совершались целым сходом участников и скреплялись особой записью в государственном учреждении.

Институт общественно-служебной собственности второго институционального цикла проявился более полно и структурированно, увязав владение землей с несением службы в разных формах. Для решения новых исторических задач был осуществлен переход от полудной модели управления к поместно-крепостной, в рамках которой получили развитие ведомственные структуры управления.

Финансовые институты. Во времена поместного раздатка роль денег усилилась при обслуживании раздаточных потоков. «За службу государь жалует поместьем и деньгами» – таково правило этого исторического периода. Правительство не всегда располагало достаточным количеством годных земель для полного удовлетворения служилых людей по установленным окладам. Такие обстоятельства привели к постепенному введению денежного жалования, которое в XVI-XVII вв. дается в дополнение к поместьям и соразмеряется с величиной поместной дачи. В середине XVII в. поместные оклады соразмерялись с денежными для каждого разряда служилых людей следующим образом: на каждый рубль денежного жалования давалось по 5 четвертей поместной земли. Впрочем, по историческим документам видно, что эта пропорция не всегда поддерживалась неизменно. Денежные оклады, подобно поместным, не всегда соответствовали действительным дачам, а были связаны с характером и ходом самой службы. Люди высших чинов, постоянно занятые столичной службой или ежегодно мобили-

зуемые, получали назначенные им денежные оклады сполна и ежегодно, низшие чины получали их через два года на третий. Вообще денежное жалование как дополнение к поместным доходам выдавалось служилым людям, когда надо было их поставить на ноги, подготовить к походу.

Крестьянская *подмога*, получаемая от землевладельца, также была комбинацией натуральных и денежных выдач. Так, в 1511 г. за крестьянами вотчинников Московского и Боровского уезда числилось до 2 тыс. руб. [19, т. 2, с. 283].

Так же как и в первом, во втором институциональном цикле, деньги являются необходимым атрибутом сдаточных отношений. По мере расширения Российского государства сдачи приобретают все более денежный характер. “За время царствования Михаила казна взимала хлебные сборы иногда натурой, а в иных случаях деньгами, точно также производила и свои платежи служилым людям” [19, т. 8, с.103]. С введением подушной подати прочно вошла в жизнь денежная форма обложения - подушный оклад сначала был установлен в размере 95 копеек, а затем спустился до 74 копеек; городские тяглые обыватели платили по 1 руб. 20 копеек.

Элементом сдач являются и периодически вводимые денежные *сборы*. Это происходит тогда, когда общий объем сдач, производимый по установленной единице обложения не покрывает всех необходимых расходов. Тогда вводятся разнообразные целевые сборы в денежной или натуральной форме. Как только объем дополнительных сборов значительно превышает объем основных сдач, производится реформа окладной единицы обложения, в результате которой происходит включение всех предыдущих платежей в один. В XVI и XVII вв. к первоначальному окладу были введены полоняничные деньги - на выкуп пленных, стрелецкий хлеб - на содержание стрельцов, ямские деньги - на содержание ямской гоньбы, ямчужные деньги - сбор на покупку пороха и т.д. В XVII столетии эти многочисленные сборы были объединены и сведены в три крупных оклада: деньги данные, полоняничные и деньги оброчные.

Ценообразование с самого начала являлось инструментом экономической политики государства. Вот исторические примеры, служащие подтверждением этому обстоятельству.

- В начале XVII в., когда казна заменяла хлебные сборы денежными, то цены, по которым натуральные платежи казне перекладывались на деньги, были довольно высоки. Напротив, цены, по которым она переводила свои хлебные дачи служилым людям на деньги можно считать довольно дешевыми [19, т. 8, с. 103].

- Уже в первой половине XVII в. существовали две казенные четверти (хлебная мера): одна была торговая, которую казна выдавала хлебное жалование служилым людям и которая поэтому называлась отдаточной, но в свои магазины казна принимала хлеб четвертью вдвое большей, которая потому носила название приемочной. Эта двойная четверть постепенно вошла в употребление на рынке. Соответственно, в этот период существовали две категории цен - "казенная приемная" и "казенная отдаточная" [19, т. 8, с. 106].

- Указные цены на хлеб существовали и в XVIII в.: сохранилась значительная коллекция рапортов и отчетов о текущих ценах, какие присылались в Камер-коллегию и Ревизион-коллегию из провинциальных и уездных канцелярий или городских ратуш [19, с. 115]. О том, что цены устанавливались, свидетельствует и Указ 1620 г., на основании которого такса скота для разбойного приказа увеличена была только вдвое против указных цен, установленных при царе Федоре Ивановиче [19, т. 8, с. 112].

- Хлебные цены в 1601 г. резко поднялись в связи с трехлетним неурожаем. Московское правительство, чтобы помешать спекуляции, установило указные цены, понизив их вдвое [19, т. 8, с. 101]. В указной книге "о хлебном и калачном весе" 1623-1631 гг. содержится ряд актов, касающихся хлебного надзора за торговлей печеным хлебом в Москве. Периодически особо назначенная для хлебного дела комиссия устанавливала таксу, с которой обязаны были считаться московские хлебники и калачники.

- Анализируя хлебные цены в Москве в первую треть XV-II вв. и составив таблицу зависимости цены на муку, количество выпекаемого из нее хлеба и цены фунта печеного хлеба, В.О.Ключевский увидел однообразную прогрессию, на основании которой пришел к выводу о нерыночном происхождении хлебных цен - "рыночные цены едва ли могут расти с такой правильностью" [19, т. 8, с. 68].

- В XVII - XVIII вв. были установлены цены (так называемые казенные монополии) на смолу, поташу, ревень, клей, соль, табак, мел, деготь, рыбий жир, дубовые гробы. Указ 1705 г. предписал принимать соль вольным порядком и продавать только из казны вдвое дороже подрядной цены [19, т. 4, с. 123].

- В XVII в. существовала категория вотчин, купленных из казны. Цены на них устанавливались государством и были настолько низки, что такая продажа рассматривалась как уменьшенная степень пожалования [8, с. 538].

- Цена, по которой выкупались вотчины, сперва не была определена законом, и обыкновенно выкуп совершался по той цене, по которой совершена сделка продажи. Но, когда контрагенты сделок, чтобы парализовать право выкупа фактически, стали обозначать в актах чрезвычайно высокую цену, тогда явилась потребность таксировать выкупную плату, и в 1619 г. и 1621 г. были изданы узаконения об этом. В дальнейшем царь Алексей Михайлович отменил эту таксу и установил правила выкупа по цене, обозначенной в купчей [8, с. 532].

В конце второго институционального цикла *государственный бюджет* имел значительные дефекты, каждое ведомство было государством в государстве, имея свой отдельный бюджет не только по расходу, но и по доходу; каждое министерство имело в исключительном своем заведовании особые источники дохода, предназначенные для известных целей и не всегда входящие в общую роспись. Государственная роспись не считалась обязательной к исполнению: каждое ведомство пользовалось широкими правами на запрашивание дополнительных ассигнований, могло по своему усмотрению накапливать остатки и т. д. [36, с. 190].

Финансовые институты второго институционального цикла все прочнее становились на службу государственных интересов и государственной экономической политики. Главным их назначением было как и прежде - обслуживание сдаточно-раздаточных потоков и обеспечение механизма координации сдач-раздач.

Институт рыночной торговли и частного предпринимательства. Торговля во времена поместного раздатка осуществлялась специальным социальным слоем - купцами или гостями, которые как и другие группы населения состояли на службе государства. Торговые послы Руси получали свои посольские оклады, а простые купцы месячину, месячный корм, который им раздавался в известном порядке по старшинству русских городов. Купцам нельзя было владеть земельной собственностью, поскольку каждый землевладелец должен был служить государству, а купец был человек *данный*, плативший в казну деньги со своего промысла. Если купец становился землевладельцем, то он относительно государственных требований должен был совмещать в себе два характера: человека служилого и человека данного, однако это было практически невозможно по условиям того времени.

Звание гостей в XVI в., как уже отмечалось выше, жаловалось князем в специальной жалованной грамоте, где определялись как привилегии, так и характер службы. Торговые люди гостиной и суконной сотен составляют второй разряд после гостей, занимающихся торговлей. Они были сгруппированы только в Москве, назначались правительством и вызывались из провинциальных городов из числа лучших местных торговцев. Служба членов этих сотен состояла в том, что они были товарщиками при гостях в финансовом управлении, в награду они получали привилегии, хотя и меньшие, чем гости.

В XVIII в. мещанское сословие, куда входили купцы, пользовалось исключительным правом на торговлю и ремесла. Возбуждение в 1711 г. вопроса о праве всякого рода лиц торговать в городах не привело ни к какому результату; лишь розничная торговля в Москве была дозволена всем. Наказ Екатерины

полагает, что торговля дворян в городах “противна существу самодержавного правления” [8, с.245].

В начале XVIII в. при Петре I на купцов была возложена обязанность по управлению казенными фабриками и заводами. “ Фабрика и завод при Петре не были вполне частными предприятиями, руководимыми исключительно личными интересами предпринимателей, а получили характер государственных организаций, которые правительство вело посредством своего обязательного агента, гильдейского гражданина: за это купец, фабрикант или заводчик пользовался дворянской привилегией приобретать к фабрике и заводу деревни с крепостными рабочими руками” [19, т. 4, с. 194].

К концу XVIII в. правительство стремилось к правильной организации фабрично-заводской промышленности и торговли, которые, по замечанию графа Сперанского, “должны быть управляемы одним учреждением, поскольку торговля есть только ветвь общей народной промышленности” [36, с. 279]. И действительно, сенат в царствование Анны был разделен на 5 департаментов, среди которых важное место занимал торгово-промышленный. Правительство поощряло предпринимателей и в форме наград и в виде объявления благоволения, присуждения медалей и прочее.

В Манифесте от 7 августа 1801 г. сказано: “Кто откроет новую отрасль торговли и промыслов, изобретет новую полезную машину, заведет фабрику в новом роде или в лучшем устройстве с большим действием или меньшим расточением сил и, наконец, всяк кто представит по этим предметам сочинение, да будет удостоверен в достойном возмездии и награде пользам изобретений его соразмерной” [36, с. 279]. Таким образом, в период стабильного функционирования раздатка институт рыночной торговли и частного предпринимательства находился на службе раздаточной экономики и под контролем государства.

3. Административный раздаток (1920-1980-е гг.)

В третьем институциональном цикле сформировался *административный раздаток*, в условиях которого общественно-служебная собственность приобрела характер государственной, т.е. была прекращена раздача объектов собственности в условное владение. В рамках этой собственности вся произведенная продукция сдавалась, а все производственные ресурсы раздавались на основе государственного плана. Многоуровневая иерархическая административная модель управления упорядочивала хозяйственную жизнь по территориально-отраслевому принципу. Сложность управляемого объекта породила к жизни многоканальную систему приема жалоб, обеспечивающую обнаружение узких мест.

Институциональное ядро раздаточной экономики России третьего цикла находилось в зрелой фазе своего развития, институты которого адекватно решали хозяйственные задачи соответствующей исторической эпохи. Однако накопившиеся проблемы потребовали изменения форм институционального ядра. В связи с этим наступил очередной переходный период, в котором происходит обновление институционального ядра раздаточной экономики.

Институт раздач. Во времена административного раздатка институт раздач становится всеохватывающим, пронизывающим все стороны экономического бытия. Главное его отличие от предыдущего цикла состоит в том, что части общественно-служебной собственности не подлежали раздаче отдельным лицам в условное владение. В то же время институт раздач становится артериальной системой внутри единой государственной собственности: посредством него доставлялись к хозяйственным единицам сырье, оборудование, финансовые и трудовые ресурсы. Я. Корнай в исследовании нерыночных экономик XX в. констатировал: «при распределении ресурсов применяются схемы административного выделения», «кредиты распределяются не по аукционной схеме, а по схеме административного

выделения», «к сфере капиталовложений еще больше применим этот вывод» [20, с. 587, 536, 540].

Институт раздач во времена административного раздатка практически целиком охватывал сферу непроизводственного потребления. Раздаче на полностью бесплатной основе подлежало жилье в городах и частично в сельской местности, услуги по образованию, здравоохранению, детскому дошкольному воспитанию, земельные дачные участки за городом для горожан и участки земли для личного подсобного хозяйства на селе. Услуги жилищно-коммунального хозяйства предоставлялись городскому населению на частично компенсационной основе (квартирная плата составляла одну треть эксплуатационных расходов, покрываемых из бюджета). Личный автотранспорт распределялся на основе полной компенсации будущими владельцами установленного тарифа.

Институт раздач и в период административного раздатка обеспечивал соответствие социально-должностного статуса с качеством и количеством раздач. Этот факт был доказан многочисленными социологическими исследованиями в 80-е годы. Общий вывод состоял в утверждении, что чем выше социальный статус и положение в управленческой иерархии, тем выше имущественная, жилищная и доходная обеспеченность.

Институт раздач в этот исторический период обслуживался разветвленной системой органов управления. В производственной сфере - Госплан, Госснаб, Госкомтруд, министерства и ведомства, в непроизводственной - отделы при местных Советах, например, отдел по распределению жилья и т.д. Причем органы по различным видам раздач встраивались в структуру управления всех хозяйственных единиц. В основе распределения ресурсов лежала установленная система нормативов, утвержденные правила формирования производственных и непроизводственных фондов, единые штатные расписания.

Преемственность действия института раздач легко наблюдается на жилищных отношениях третьего институционального цикла и поземельных отношениях второго цикла. В 30-е гг. XX столетия жилье стало раздаваться бесплатно по нормативам всем, кто находился на государственной службе, подобно

тому как в XIV - XVII вв. бесплатно раздавались поместья под условие службы.

Качество и количество жилья, как и поместного земельного участка напрямую зависело от занимаемого должностного положения, выслуги лет и трудовых или военных заслуг. Некоторое время жилье, как и поместный земельный участок, носило характер служебного, ненаследуемого блага. Но вскоре через механизмы прописки квартиры, как и поместья, стали передаваться наследникам и становятся "родовым поместьем".

В 60-е годы XX в. были разрешены обмены квартир - сначала только государственное на государственное, но затем и на кооперативное. Тем самым в скрытом виде было позволено осуществлять денежные сделки. Однако официально продажа жилья была введена после акта приватизации, т.е. передачи прав собственности его постоянным владельцам. При обменах строго контролировалась нормативная жилищная обеспеченность, с тем чтобы не было дополнительных каналов для увеличения жилищной очереди. При менах земель на втором цикле также осуществлялся строгий контроль соответствующим центральным органом управления, при этом сделки могли совершаться только с дозволения правительства. Так же как и земля в поместном праве, при утрате владельца жилье передавалось в государственные органы управления для последующих раздачи.

Институт сдач. Период административного раздатка характеризуется высоким уровнем развития сдаточно-раздаточных отношений, когда практически все финансовые и материальные ресурсы раздаются, а вся произведенная продукция сдается. Однако, если на предыдущем институциональном цикле все отношения назывались своими именами и просматривались в явном виде, то в связи с распространением социалистической теории и соответствующей идеологии истинные общественные отношения советского периода были скрыты за марксистской терминологией.

Служебная организация труда на данном историческом этапе приняла форму обязательного участия в производственной и управленческой деятельности на объектах единой госу-

дарственной собственности. В Конституциях этого периода была зафиксирована “обязанность трудиться” для каждого гражданина, проживающего на территории советского государства.

Все хозяйствующие субъекты (предприятия, организации, колхозы, совхозы), получая материальные ресурсы из бюджета, должны были сдать всю произведенную ими продукцию с целью последующего ее распределения для производственного или непроизводственного потребления. Взамен финансовых государственных вложений остатки прибыли (после ее нормативного расходования) также должны были сдаваться в бюджет. Регулирование процесса сдачи произведенной продукции, как и процесса раздачи материальных и финансовых ресурсов осуществлялось на основе государственного плана и под управлением соответствующих министерств и ведомств.

Все трудоспособное население получало материальные условия жизни в основном по месту работы: денежный оклад, жилье, детские дошкольные учреждения, путевки в оздоровительные комплексы, земельные участки для посадок, пионерские лагеря и т.д. Другими словами, это означало что без участия в государственном производственном процессе население не могло иметь средств к существованию. Не имея работы, нельзя было получить прописку и жилье в городах, без прописки невозможно было получить бесплатное медицинское обслуживание и среднее образование.

Занятое в общественном хозяйстве население осуществляло и денежные сдачи - например, в форме подоходного налога с населения. Он исчислялся по прогрессивной шкале и вычитался из заработной платы по месту работы ежемесячно. Этот платеж хоть и назывался налогом, на самом деле представлял собой денежные сдачи на формирование жилищного сектора, квартиры из которого бесплатно раздавались “за службу или под условие службы” [4, с. 79-83].

Воинская служба осталась обязательной повинностью для населения. На ее основе мужчины, достигшие 18 лет и не поступившие в высшие учебные заведения, забирались на военную подготовку сроком на 2-3 года. В случае войны происходила массовая мобилизация мужского населения.

Институт административных жалоб. В период административного раздатка институт административной жалобы, после его разрушения во второй переходный период, был воссоздан практически с нуля. В течение третьего институционального цикла он достиг высокого уровня развития, пронизывая все политические и экономические структуры.

Несмотря на то, что теория марксизма, ставшая господствующей идеологией советского общества, не содержала ни одного положения, касающегося жалоб, законы раздаточной экономики поставили руководителей советского государства перед необходимостью создавать органы по приему жалоб и механизмы их обслуживания. Именно Ленину В.И., как свидетельствуют некоторые исторические источники, принадлежала инициатива организации приема граждан руководителями высших органов власти и регулярных поездов должностных лиц по стране для приема от населения устных и письменных жалоб [30, с. 6].

В 1919 г. Народным Комиссариатом Государственного контроля (НКГК) было учреждено Центральное бюро жалоб и заявлений, а затем его местные отделения. Были установлены порядок подачи жалоб, сроки их рассмотрения, форма жалобы, основания для обжалования и т.д. - обычные элементы института административной жалобы. С этого и началось возрождение института жалоб в период третьего цикла. В дальнейшем происходила его адаптация к постоянно изменяющейся институциональной среде, и к 70-м годам XX в. институт административной жалобы приобрел свои окончательные зрелые формы.

Действующее в этот период законодательство и сложившаяся практика почти не знали ограничений права граждан на общую жалобу по содержанию. Обжалованы могли быть незаконные, нецелесообразные и аморальные деяния, индивидуальные и нормативные акты, действия и бездействие в сфере управления, производства, обслуживания. Субъекты обжалуемых деяний - не только органы управления, но и предприятия, учреждения, организации, не только должностные лица, но и рядовые служащие. Жалоба могла подаваться с целью защиты личных прав и интересов, прав и интересов других лиц, публич-

ных прав и интересов. По форме жалоба могла быть письменной или устной, даже переданной по телефону, радио, индивидуальной и коллективной. По одному и тому же факту граждане могли обращаться много раз в один и тот же, либо в разные органы, одновременно или в разное время, поскольку в законодательстве отсутствовали количественные ограничения права на жалобу. Законодательными актами было установлено, что жалобы могли направляться в компетентные органы управления, депутатам, прокуратуру, общественные организации [3, с. 52].

Жалоба представляет собой указание на нарушения в функционировании экономической системы. Во всех сферах раздаточной экономики определяется порядок учета жалоб всех хозяйствующих субъектов и населения. На государственном уровне определяются правила подачи жалоб, их регистрации, норматив времени для реагирования по жалобе на всех уровнях управленческой иерархии. Обслуживанием жалоб в каждом звене экономической системы занимаются специально выделенные для этих целей работники. Кроме того, в распорядке работы каждого руководителя фиксируется время для личного приема и разбора жалоб населения по его участку работы.

В случае, когда решение поставленных в жалобах проблем своевременно происходит на тех уровнях, куда они были направлены, экономическая система находится в состоянии устойчивого функционирования. Если же уровень жалоб превышает нормальный, то они накапливаются на уровне предприятий, отраслей, территорий, а затем "выплескиваются" в средства массовой информации или направляются прямо в центральные государственные органы. Когда такие жалобы приобретают массовый характер, они свидетельствуют о кризисе раздаточной экономики. В этот период осуществляются глобальные социально-экономические реформы с целью решения накопившихся проблем. Такие периоды представляют собой периоды институциональных изменений, поскольку в них осуществляется обновление институциональной среды экономической системы.

Во времена административного раздатка жалобы продолжали, как и на предыдущих циклах, выполнять функцию сиг-

нальной системы. Любая жалоба включает три компонента: неудовлетворенность ситуацией, обоснование этой неудовлетворенности и просьбу или предложение о решении этой ситуации. Вся совокупность жалоб за определенный период дает полную картину о проблемных участках хозяйства. Однако был существенно усовершенствован механизм влияния жалоб на принимаемые решения. Каждый гражданин и любой хозяйствующий субъект имели право жаловаться и активно использовали это право. Но не всякая жалоба являлась руководством к действию: необходима была их критическая масса на каждом уровне иерархии, чтобы жалобы попадали на рассмотрение следующего уровня управления. Чем выше социальное положение жалующегося, тем больший вес имела жалоба. Количество жалоб выступало индикатором сбалансированности экономической системы в целом и каждой ее сферы, а их минимизация была критерием эффективности деятельности управляющих в раздаточной экономике.

Институт общественно-служебной собственности.

Во времена административного раздатка институт общественно-служебной собственности приобрел новые черты, при этом получили развитие его базовые признаки. Прежде всего, была прекращена практика раздачи производственных ресурсов (земля, фабрики, заводы) в условное владение частным лицам. Вся собственность приобрела статус государственной в разном виде и никто не обладал всей полнотой прав на какую-либо ее часть. Сущность государственной собственности в раздаточной экономике состоит в том, что государство, являясь владельцем основных ресурсов, несет ответственность за их использование в интересах всего общества. Оно раздает и закрепляет части государственной собственности за хозяйствующими субъектами. При этом государство определяет соответствующие правила ее использования и объем сдач продукции или услуг всеми хозяйствующими субъектами. Государство также задает и опосредует все экономические связи.

Непроизводственные фонды (жилищный фонд, земельные участки за городом) раздавались в условное владение отдельным гражданам, используя опыт предыдущих институцио-

нальных циклов. В этой части собственности сохранялась практика наложения прав собственности государства, предприятий и частных лиц.

Служебный характер собственности специально не акцентировался как в предыдущем институциональном цикле, поскольку государственная собственность представляла для каждого место службы (работы), а обязанность трудиться была зафиксирована в Конституции и стимулировалась отсутствием возможности получения иных источников дохода.

Для управления общественно-служебной собственностью в третьем институциональном цикле была создана *административная* модель, в основе которой лежал принцип нормативно-актовых распоряжений. Административная модель управления характеризуется иерархическим устройством, при котором нижестоящие звенья управления находятся в прямом подчинении вышестоящего звена. Ведомственная (министерская) структура организации управления, выработанная на предыдущих институциональных циклах сохранилась, но чрезмерно усложнилась в связи с новым уровнем развития хозяйства.

Механизмом координации сдаточно-раздаточных потоков в рамках института общественно-служебной собственности в третьем институциональном цикле раздаточной экономики стало планирование и собственно сам Государственный план. «Основу планирования составлял балансовый метод, сущность которого заключается в установлении соотношения между ресурсами и их распределением через систему балансов. Балансы представляют собой таблицы, содержащие две количественно равные по сумме части, отражающие, с одной стороны, ресурсы, а с другой - распределение. Содержание балансового метода сводится к уравниванию того, что есть и что необходимо. Балансы используются для отыскания равновесия производства и потребления самых различных элементов хозяйства: трудовых, материальных, финансовых и прочих» [16, с. 16].

В условиях государственной собственности доминировали государственные организации. *Государственная форма* организации означает, что она учреждается центральными или местными органами государственной власти, обеспечивающими

ее всеми необходимыми производственными ресурсами, при этом вся хозяйственная деятельность полностью регулируется государством.

Первичными хозяйственными ячейками в этот период выступали в промышленности - производственные предприятия, в сельском хозяйстве - колхозы и совхозы, в жилищно-коммунальном хозяйстве - жилищно-эксплуатационные участки и т.д. Все они работали на основе утвержденного плана, получали все виды ресурсов из единого центра по установленным каналам, руководствовались утвержденными штатными расписаниями и нормативной базой, подчинялись вышестоящим звеньям управления, пользовались правом жалобы в определенном режиме. Другими словами, у первичных хозяйственных единиц были общие правила функционирования, задаваемые институтом общественно-служебной собственности.

Финансовые институты. Во времена административного раздатка роль денег как средства сдач и раздач, после второго переходного периода, возродилась. Деньги в советское время являются преимущественно инструментом плановых расчетов и выполняют функцию перевода качественных натуральных потоков в количественные счетные величины. Анализ финансирования капиталовложений в социалистических обществах привел Я. Корнаи к выводу, что “под денежной вуалью скрываются процессы количественного регулирования” [20, с. 540].

Поскольку все продукты сдавались и все ресурсы раздавались в рамках единой государственной собственности, все цены устанавливались государственными органами централизованно. Начало этому процессу положил Декрет СНК от 1921 г., на основании которого было принято “Положение о комитете цен”. На Комитет цен возлагалось установление оптовых и розничных цен на все товары, отпускаемые государственными предприятиями и учреждениями друг другу, кооперации и населению, а также устанавливались твердые заготовительные цены для покупки государственными учреждениями. С тех пор стали регулярно приниматься постановления типа “О закупочных и сдаточных ценах на ... (перечень продуктов), продаваемых государ-

ству колхозами, совхозами” или “О государственных розничных ценах на продовольственные и промышленные товары” [23, с. 415, 436].

В начале становления административного раздатка, когда цены на промышленные товары резко повысились (1923 – 1926гг.) в ущерб ценам на сельскохозяйственные товары государство вмешалось в процесс ценообразования на основе положения XIII партийной конференции “О необходимости усиления планового начала”. Это усиление выразилось “в воздействии на складывающиеся рыночные отношения путем нормирования, планирования и регулирования оптовых, розничных и заготовительных цен” [23, с. 34, 66]. Это вмешательство государства в процесс ценообразования носило долговременные последствия, выразившиеся в регулярной практике государственного установления цен на все виды товаров и услуг.

В этот исторический период развития раздаточной экономики задача сквозной увязки доходов и расходов всех хозяйственных субъектов была решена. Эта увязка достигалась за счет органической связи финансовых планов с производственными и с планами снабжения, поскольку государственный бюджет был частью системы государственного планирования. “Доходы и расходы бюджета устанавливаются в строгом соответствии с народнохозяйственным планом. Основа исполнения бюджета - выполнение этого плана. Вместе с тем, успешное исполнение бюджета является важным фактором, содействующим выполнению плана” [34, с. 11]. Кроме того, государственный бюджет в советский период представлял собой совокупность союзного и республиканских бюджетов, а в рамках одной республики - совокупность всех местных бюджетов.

Институт рыночной торговли и частного предпринимательства. Во времена административного раздатка торговля преимущественно носила государственный характер и осуществлялась через государственные магазины. Для этих целей на базе государственного высшего и среднего образования готовились профессиональные кадры для государственной торговой сети. В то же время была разрешена рыночная торговля в городах в специально установленных местах, где товары реали-

зовывались по ценам договора. Как правило, разрешение на торговлю должны были получать колхозники, выравшившие свою продукцию самостоятельно на отведенных приусадебных участках.

В середине третьего институционального цикла были разрешены и распространены обмены квартирами из розданного населению государственного жилищного фонда на правах пожизненного владения. Сделки обслуживались специальными государственными обменными бюро, следившими за тем, чтобы не происходило ухудшение жилищных условий и в результате обмена не появлялось право на постановку на учет для получения нового жилья. К концу третьего цикла обмены, как и раньше, стали прикрывать куплю - продажу в случае обмена большей квартиры на меньшую с доплатой или при обмене государственной квартиры на кооперативную.

4. Переходные периоды в раздаточной экономике России

Между основными периодами развития раздаточной экономики, в которых институциональное ядро состоит из институтов раздачи, сдачи, административных жалоб и института общественно-служебной собственности, а также соответствующих финансовых институтов и занимающего подчиненное положение института рыночной торговли и частного предпринимательства, имели место переходные периоды. Переходными они называются потому, что в них происходило спонтанное преобразование устаревших институтов раздаточной экономики в рамках расширившегося до всей системы института рыночной торговли и частного предпринимательства.

К ним относятся - конец XII - середина XV вв. (удельные века), вторая половина XIX в. до первой трети XX в. и, наконец, современный период рыночных реформ.

Эти периоды сильно отличались от всего хода исторического развития и потому вызывали острые дискуссии среди историков относительно их места и роли в развитии российской экономической системы. “Такие эпохи, столь утомительные для изучения, имеют свое и немаловажное историческое значение. Это так называемые переходные времена, которые нередко ложатся широкими и темными полосами между двумя периодами. Такие эпохи перерабатывают развалины погибшего порядка в элементы порядка, после них возникающего. Их значение не в них самих, а в их последствиях, в том, что из них вышло” [19, т. 1, с. 351].

Переходные периоды берут свое начало на фоне кризиса раздаточной экономики, когда существующая институциональная среда утрачивает свою эластичность и не отвечает изменившейся материально-технологической среде и потребностям всех групп населения. *Кризис* институтов раздаточной экономики выражается в том, что они перестают обеспечивать координацию потоков сдач и раздач как в рамках всего государства, так и на уровне отдельных социальных групп. Это означает, что весь совокупный объем сдач уже не может покрыть установив-

шийся на определенном уровне объем общественно-необходимых задач. При этом в явном виде проявляется дисбаланс того, что отдают и что получают разные социальные группы. Никакие внутренние экономические реформы уже не могут помочь раздаточной экономике справиться с накопившимися проблемами.

Во всех трех институциональных циклах кризис проявлялся в резком социальном расслоении, экономическом спаде и политической неуправляемости. В такой ситуации наступает переходный период, который начинается с преобразования института общественно-служебной собственности в институт частной собственности.

С самого начала переходного периода происходит глубокая трансформация института общественно-служебной собственности посредством передачи прав на многие ее объекты частным лицам или коллективам в полное владение. На всем протяжении переходного периода доминирующее положение занимает институт рыночной торговли и частного предпринимательства, развертывание которого состоит в заимствовании многих институциональных элементов из рыночной среды западноевропейских стран. В рамках переходного периода институциональная среда раздаточной экономики усваивает новые элементы или находит для себя новые формы, на основе которых преобразуется в новое качество и к концу периода начинает вытеснять или ограничивать институт рыночной торговли и частного предпринимательства.

В первый переходный период возникшая частная собственность существовала в форме *вотчин*. Признаки вотчинного начала были следующие: князья (великие и удельные) отчуждали свои уделы по купчим и дарственным, завещали их сторонним лицам в целом и в частях. В конце второго институционального цикла (вторая половина XVIII в.) первый шаг на пути трансформации института собственности был связан с отменой обязательной службы для дворянства и передачей им полных прав собственности на поместья. Второй - отмена крепостного права и разрешение выкупа земельных участков бывшими крепостными крестьянами. В результате на втором переходном пе-

риоде, как и на первом, доминировал институт частной собственности. Третий переходный период начался также с преобразования отношений собственности посредством “ваучеризации” и создания разнообразных негосударственных и частных субъектов хозяйствования.

Трансформация института общественно-служебной собственности (в разных ее исторических проявлениях) в институт частной собственности создала необходимые условия для расширения института рыночной торговли и частного предпринимательства и его выхода из прежних нормативных рамок. Так, первый переходный период, XII-XIII вв., до того как вмешался фактор татарского завоевания, характеризовался бурным ростом городов, что всегда связано с развитием торговли. Во второй переходный период “главной фигурой был купец-ростовщик, сдиравший три шкуры с населения за свои товары” [7, т. 1, с. 19]. Третий переходный период - период рыночных реформ XX в. - также резко сместил акценты с общественного производства в сторону рыночной торговли.

Параллельно разворачиванию института рыночной торговли и частного предпринимательства в переходные периоды происходит сворачивание института административной жалобы, через которые население обычно артикулирует общественные проблемы и защищает свои права. Во втором переходном периоде “как ни естественно само по себе, как ни преходяще, казалось бы, право жителей государства заявлять свои просьбы, желания и жалобы, это право далеко не всегда признавалось государями” [31, с. 137]. В то же время в среде интеллигенции постоянно предпринимались попытки восстановления этого права жалобы для всех слоев населения. “Известная статья Дитятина о роли челобитий представляет собой осторожно выраженную в форме исторической справки политическую петицию о восстановлении того права челобитий, которым столь свободно и непререкаемо пользовались чины Московского государства” [31, с. 137]. В третий переходный период - рыночных преобразований XX в. - институт жалобы также был подвергнут демонтажу вместе с административной моделью управления. В настоящее время социологические опросы показывают, что, например,

крестьянин “даже пожаловаться не знает куда” [21, с.466]. Несмотря на полуразрушенный институт жалоб, население продолжает обращаться в высшие органы власти. Так, в 1994 г. только на имя президента и в адрес правительства поступило около 280 тыс. устных и письменных обращений, в том числе жалоб [29, с. 98].

Ценности и условия жизни подавляющего числа людей входят в противоречие с институциональной средой переходного периода, в которой доминирует институт рыночной торговли и частного предпринимательства и прекращает действовать институциональный канал обратной связи через административные жалобы. Это выливается в поддержку большинством населения всех действий государства по восстановлению в новом качестве институтов раздаточной экономики. Конец переходных периодов выглядит как сворачивание института рыночной торговли и частного предпринимательства на фоне разворачивания институционального ядра раздаточной экономики. Результатом является модернизация раздаточной экономики и начало нового институционального цикла ее развития.

В переходные периоды накануне нового институционального цикла происходит изменение государственности (Киевская Русь - Московско-Петербургская Россия - СССР - Российская Федерация), как знак полного отрыва от старых институциональных форм и переход к новым, что позволяет привести в соответствие политические институты с социально-экономическими на новом историческом этапе.

Внешне, по характеру институциональной среды и по распространенным названиям новых экономических явлений переходные периоды напоминают европейские экономические системы в конкретный исторический период и потому часто получают в теориях соответствующие названия: так, первый переходный период получил название “феодализма” в работах Н.П. Павлова-Сильванского и его сторонников, второй переходный период именовался “капитализмом” в работах В.И. Ленина и марксистской школы в СССР на протяжении 70 лет, и наконец, третий переходный период именуется в современной экономи-

ческой и социологической литературе периодом “построения рыночной экономики”.

Институциональная среда переходных периодов часто сравнивается с европейской соответствующего исторического времени. В своих многочисленных работах Павлов-Сильванский устанавливал “тождество основных начал строя удельной Руси и феодальной Европы” [31, с. 482]. Он проводил параллель между отдельными явлениями западного феодализма и русскими удельного периода; это - вассальные службы, ленное землевладение и раздробление суверенной власти. Все это, по мнению историков того времени, пункты весьма существенные, однако взятые в совокупности совершенно непримиримы с общим пониманием удельного государства [8, с. 289].

С точки зрения институциональной теории хозяйственно-го развития России, Павловым-Сильванским зафиксирован *квазифеодализм*, при котором многие явления внешне напоминают свои европейские аналоги, но по существу, по генезису и по последствиям резко от них отличаются. Именно поэтому феодализм удельной Руси развивался не по классическим закономерностям, а превратился в свою противоположность - самодержавное государство с обязательной службой всех групп населения. Автор теории феодализма на Руси понимал это: “Я в своих работах имел в виду удельную Русь XIII-XV столетий с ее феодальными порядками, противоположными московскому государственному строю” [31, с. 482].

Аналогичная ситуация происходит и с теорией капитализма в России, который фиксируется ею со времени отмены крепостного права и до Октябрьской революции 1917 г. С одной стороны, действительно многие явления того времени весьма схожи с капиталистическими в европейском понимании этого строя, с другой стороны, экономическая система этого периода имеет настолько сильную специфику, что вызывает сомнения относительно ее капиталистической природы. “К началу XX века в России уже утвердился капитализм, но произошло это значительно позже и во многом иначе, чем в крупных странах Запада. В силу различных исторических и географических причин капитализм в России лишь в малой степени выступал в своей клас-

сической форме - форме свободной конкуренции. В основном же его развитие шло "сверху" путем властного вмешательства государства и при широком участии иностранного капитала" [7, с. 16].

Здесь также установлен феномен *квазикапитализма*, при котором явления лишь по форме напоминают капиталистические, а по сути несут всю специфику очередного преобразования раздаточной экономики. "Историческая действительность, в которой развивался капитализм в России, в корне отличалась от той действительности, в которой капитализм родился и развился в своих классических формах" [8, с. 25]. Результатом такого квазикапитализма стало возрождение нового раздаточного государства на территории России.

Квазирыночная природа существующих в конце XX столетия экономических отношений в России все более осознается обществом. Вот одно из многих характерных высказываний о природе российского рынка. "Стихия рынка воспринимается как отсутствие всех и всяческих ограничений, но не как специфическая форма трудовых и социальных отношений. Рынок базируется на принципах договора и открытости, а наш "рынок" - на принципах экономической гражданской войны, потому что не прошел процесс создания самостоятельных фирм, а произошло разваливание единого целого хозяйства на отдельные удельные княжества, сохраняющие все те же принципы хозяйственно-обустройства" [43, с. 416].

Вместе с тем, переходные периоды не являются отступлением от поступательного развития институтов раздаточной экономики, а напротив, представляют собой имманентные фазы их развития. Институциональная среда раздаточной экономики по своему устройству достаточно сложна и, находясь в кризисном состоянии, не может быть реформирована по определенному плану группой даже самых достойных реформаторов. Поэтому в переходные периоды осуществляется спонтанное преобразование базовых институтов раздаточной экономики за счет вывода всех сфер из-под контроля государства и предоставления инициативы всем группам населения и всем хозяйствующим субъектам. В переходные периоды происходит столь глубокое

“перелопачивание” институциональной среды, что каждый следующий этап развития раздаточной экономики воспринимался как абсолютно новое явление, слабо связанное с предыдущими историческими этапами. Между тем именно в переходные периоды происходит выбор дальнейшего направления институционального развития и находятся такие формы, технологии и способы, которые преобразуют устаревшие институты раздаточной экономики в новые, адекватные материально-технологической среде и потребностям общества.

В переходные периоды осуществляется поиск нового институционального стержня следующего этапа развития раздаточной экономики. Сначала эта будущая институциональная основа заимствуется из рыночной среды западноевропейской цивилизации и апробируется в рамках переходных периодов, а затем адаптируется к раздаточной среде, при этом отбрасывается все, что вступает с ней в конфликт. Как правило, этим конфликтным элементом являлась частная форма собственности и свободные договорные отношения.

В первый переходный период таким новым элементом, внесенным из европейского феодализма, были договорные служебно-поземельные отношения. Впоследствии они были преобразованы в государственные служебно-поземельные отношения и легли в основу всей институциональной системы раздаточной экономики Московско-Петербургского периода.

Феодализм характеризуется существованием принципа службы с земли за какой-либо феод. Причем эта служба осуществлялась по свободному договору. В западной истории широко известны переходы французских вассалов со своими владениями к английскому королю и от него обратно к королю Франции. Это означало признание подвассальности земли высшему территориальному господству сюзерена, обусловленной личным подчинением ее собственника.

Аналогичные отношения существовали и в удельный период русской истории. “И наши источники удельного времени, несмотря на всю их случайность и скудость, дают нам несколько ясных указаний на то, что договор боярской службы влек за собой территориальную подвассальность боярской вотчины, что на-

ши бояре переходили от одного князя к другому со своими землями, иначе говоря, "имели право отъезда с вотчинами", что удельный боярин, как и западный сеньор, был не только вольным слугою, но и вольным вотчинником" [31, с. 113].

В XVI в. по указу Ивана Грозного служба с земли была введена как всеобщее обязательное правило. При этом была установлена ее регламентация по норме. "Эти всеобщая обязательность и регламентация являются следствием укрепления государственной власти. Но начало службы с земли идет из старины. В удельное время, однако, такая служба с земли не была всеобщей обязательной, как при Грозном, но обуславливалась свободным договором боярина с князем" [31, с. 110].

Во второй переходный период широкое распространение получили тресты, "в великом множестве возникавшие в начале века прежде всего в США" [10, с. 90]. Именно эта форма организации хозяйства легла впоследствии в основу советской раздаточной экономики, став стержнем ее административной модели управления.

В данном случае легко устанавливается элемент заимствования. Основатель советского государства В.И. Ленин подчеркивал: "Нам, партии пролетариата, неоткуда взять меньшего организовать крупнейшее производство, по типу трестов, как тресты, - неоткуда, если не взять его у первоклассных специалистов капитализма" [48, с. 193].

В период капитализма тресты существовали, несмотря на их монопольный характер, как частная форма организации. Однако в основе экономики советского периода тресты уже выступали как государственная форма. "Тут и происходит процесс, по выражению Ленина, соединения гигантской силы капитализма с гигантской силой государства в один механизм" [10, с. 91]. Государство в этот период представляло собой "трест трестов". Именно этот институциональный элемент, заимствованный из другой институциональной среды, преобразованный и пересажженный в раздаточную экономику, дал ей на третьем этапе новую жизнь и всем ее институтам новую форму.

Третий переходный период обогатит, как нам представляется, раздаточную экономику контрактным правом. Частно-контрактные отношения являются повседневным элементом хозяйственной практики западных стран, в том числе и США. В настоящее время, период так называемых рыночных реформ, они также активно используются. Однако одновременно идет апробация контрактов в государственной сфере и уже возникла такая отрасль права как "административный договор". Под административным договором понимается основанный на административно-правовых нормах и выработанный в результате добровольного согласования воли двух (либо более) субъектов административного права, одним из которых всегда выступает субъект государственной власти, многосторонний акт, устанавливающий взаимные права и обязанности его участников.

Специалисты по административному праву уверены, что административный договор придаст определенную стабильность, гласность, наглядность иерархическим отношениям, обеспечит демократизацию исполнительной власти. Участие в договорном процессе будет способствовать пробуждению деловой и правовой активности субъектов. Из послушных "винтиков", которым сверху спускают директивы и распоряжения, они превращаются в думающих субъектов горизонтальных отношений. Договор воспитывает самостоятельность мышления, стимулирует изучение законодательства, умение решать вопросы переговорным путем, осознавать и отстаивать свои интересы. Договорное регулирование вырабатывает и у властного субъекта умение работать более гибко, творчески, инициативно, не рассчитывая исключительно на приказ и принуждение [3, с. 180-183].

Заключение

В книге представлена новая теория хозяйственного развития России в рамках институционального подхода - теория раздаточной экономики (теория раздатка). В данной теории обосновывается, что наряду с рыночными экономикami существуют и другие, столь же жизнеспособные и имеющие собственные законы развития - раздаточные хозяйственные системы. Эти экономики обладают собственным институциональным ядром, состоящим из институтов раздач, сдач, общественно-служебной собственности и административных жалоб. Важную роль играют также финансовые институты и институт рыночной торговли и частного предпринимательства.

Институциональная теория хозяйственного развития России охватывает длительный исторический период - с IX по XX вв., поскольку именно в этот период зародилась и функционировала по определенным законам раздаточная экономика России. В этот исторический промежуток времени сменилось три институциональных цикла в ее развитии. Каждый институциональный цикл состоит из основного и переходного периода. Особое внимание уделяется переходным периодам, поскольку именно такой период переживает раздаточная экономика России в настоящее время.

Каждый институциональный цикл характеризуется определенным уровнем развития института раздач. От цикла к циклу все большее число материальных и нематериальных объектов попадает в сферу действия института раздач, все более углубленным становится проникновение института раздач в хозяйственную и потребительскую жизнь общества, все более отлаженным становится законодательная и нормативная база раздач, все более совершенными становятся механизмы и технологии раздач. Вместе с тем новые экономические условия требуют дальнейшего развития института раздач, принципы которого вырабатываются на современном историческом этапе. К ним прежде всего относятся конкурентность при распределении государственных средств, дого-

ворная система отношений по поводу использования выделенных материальных благ и общественный контроль за реализацией договоров.

В течение длительного исторического процесса вслед за развитием института раздач совершенствовался институт сдач, придавая все более цивилизованные формы тем элементам, которые возникли на ранних стадиях развития раздаточной экономики и приобретая новые черты, связанные с изменением социально-экономической ситуации.

Ретроспективный анализ развития института собственности в раздаточной экономике России показывает, с одной стороны, сохранение и усиление базового признака - общественно-служебного характера, с другой стороны - явную тенденцию к прогрессивному развитию его основных элементов. Модель управления претерпела существенные трансформации в направлении раскрепощения объектов управления: от прямого порабощения на первом цикле через крепостное прикрепление на втором к нормативно-актовым распоряжениям административной модели на третьем цикле.

Механизм координации сдаточно-раздаточных потоков совершенствовался от цикла к циклу, что в конечном счете привело к возникновению государственной системы планирования. Тем не менее очевидна необходимость дальнейшего развития института собственности раздаточной экономики, направление которого выбирается в настоящее время. Магистральная линия развития в этом направлении - регионализация государственной собственности и разделение ее на федеральную и муниципальную, выбор адекватной организационно-правовой формы предприятий и организаций, замена административной модели управления на договорную, а также отлаживание бюджетного регулирования финансовых потоков.

Между основными периодами раздаточной экономики имели место переходные периоды. В переходные периоды осуществляется поиск нового институционального стержня следующего этапа развития раздаточной экономики. Чаще всего эта будущая институциональная основа заимствуется из рыноч-

ной среды западной цивилизации и апробируется в рамках переходных периодов, а затем адаптируется к раздаточной среде, при этом отбрасывается все, что вступает с ней в конфликт. Как правило, этим конфликтным элементом являлись частная форма собственности и свободные горизонтальные отношения.

В первый переходный период таким новым элементом, внесенным из европейского феодализма, были договорные служебно-поземельные отношения. Впоследствии они были преобразованы в государственные служебно-поземельные отношения и легли в основу всей институциональной системы раздаточной экономики II цикла.

Во второй переходный период широкое распространение получили тресты, в великом множестве возникавшие в начале века прежде всего в США. В американском капитализме тресты существовали как частная форма организации. Однако в основе экономики советского периода тресты уже выступали как государственная форма. Именно этот элемент, заимствованный из другой институциональной среды, преобразованный и пересаженный в раздаточную экономику, дал ей на третьем этапе новую административную модель управления и всем ее институтам новую форму.

Третий переходный период обогатит, как мне представляется, раздаточную экономику контрактным (договорным) правом. Частно-контрактные отношения являются повседневным элементом хозяйственной практики западных стран. В настоящее время они также активно используются и в России. Одновременно идет апробация контрактов в государственной сфере и уже возникла такая отрасль права как "административный договор", одним из субъектов которого всегда выступает государственная власть.

В результате формируется институциональная основа будущего «**либерального раздатка**», а именно - такой системы экономических отношений, в которой при сохранении своей сущности институциональное ядро раздаточной экономики воплотится в либерально-экономические формы с договорной моделью управления, бюджетным регулированием, хозяйственной независимостью основных экономических субъектов, поливидовым характером государственной

вым характером государственной собственности и органично встроенным институтом рыночной торговли и частного предпринимательства.

Литература

1. **Австрийская** школа в политической экономии. - М.: Экономика, 1992.
2. **Ахиезер А.С.** Россия: критика исторического опыта. - Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997.
3. **Бахрах Д.Н.** Административное право. – М.: Бек, 1996.
4. **Белоусов А.** Структурный кризис советской индустриальной системы/ Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. Россия как предмет. - М.: Аргус, 1995.
5. **Бессонова О.Э.** Раздаточная экономика как российская традиция// Общественные науки и современность. – 1994, № 3.
6. **Блауг М.** Экономическая мысль в ретроспективе. - М.: Дело ЛТД, 1994.
7. **Боффа Д.** История Советского Союза. В 2 томах. – М.: Международные отношения, 1990.
8. **Владимирский-Буданов М.Ф.** Обзор истории русского права. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1995.
9. **Ворожейкина Т.** Россия в латиноамериканском зеркале/ Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. Россия как предмет. - М.: Аргус, 1995.
10. **Гайдар Е.** Государство и эволюция. - М.: Евразия, 1995.
11. **Глух Н.А.** Сравнительная экономика К. Поланьи/ Вестник Московского Университета, серия 6, «Экономика», 1997, № 3.
12. **Гуревич А.Я.** Теория формаций и реальность истории/ Вопросы философии, 1990, № 11.
13. **Дитятин И.** Роль челобитий и земских соборов в управлении московского государства// Статьи по истории русского права. - Спб, 1895.
14. **Дюркгейм Э.** О разделении общественного труда. Метод социологии. - М.: Наука, 1991.
15. **Заславская Т.И., Рывкина И.В.** Социология экономической жизни. Очерки теории. - Новосибирск: Наука, 1991.

16. **Зембатова Б.В.** Планирование: простые и сложные истины. - М.: Наука, 1990.
17. **Кара-Мурза А.** Между Евразией и Азией// Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. Россия как идея. - М.: Аргус, 1995.
18. **Качановский Ю.В.** Дискуссия об азиатском способе производства на страницах зарубежной марксистской печати// Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. - М.: Наука, 1971.
19. **Ключевский В.О.** Курс русской истории. Сочинения в 9 томах. - М.: Мысль, 1989.
20. **Корнаи Я.** Дефицит. - М.: Наука, 1990.
21. **Куда идет Россия.** Социальная трансформация постсоветского пространства. - М.: Интерцентр, 1996.
22. **Кузьминов И.И.** Очерки политической экономики социализма. - М.: Мысль, 1971.
23. **Малафеев А.Н.** История ценообразования в СССР (1917 - 1963). - М.: Мысль, 1964.
24. **Мильнер Б.З.** Институциональные проблемы рыночной экономики// Эволюционная экономика на пороге XXI века. – М.: Япония сегодня, 1997.
25. **Миллюков П.** Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия. Реформа Петра Великого. - С.-Петербург: Тип. В.С.Балашова, 1892.
26. **Найшуль В.** Высшая и последняя стадия социализма// Погружение в трясину. - М.: Прогресс, 1991.
27. **Нестеренко А.Н.** Институционально-эволюционная теория: современное состояние и основные научные проблемы// Эволюционная экономика на пороге XXI века. – М.: Япония сегодня, 1997.
28. **Норт Д.** Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Начала, 1997.
29. **Овсянко Д.М.** Административное право. - М.: Юрист, 1995.

30. **О работе с письмами** трудящихся. - М.: Юридическая литература, 1980.
31. **Павлов-Сильванский Н.П.** Феодализм в России. – М.: Наука, 1988.
32. **Пайпс Р.** Россия при старом режиме. - М.: Независимая газета, 1993.
33. **Плавильщиков А.** Рассуждение о прошениях и жалобах, подаваемых в правительственные и судебные места и к тем лицам, кои по законам принимать оные должны. – Спб., 1811.
34. **Плотников К.Н.** Очерки истории бюджета советского государства. – М.: Госфиниздат, 1955.
35. **Радаев В.В.** Экономическая социология: курс лекций. – М.: Аспект Пресс, 1997.
36. **Россия. Энциклопедический словарь.** - С.-Петербург: Изд. Брокгауз и Эфрон, 1898.
37. **Свердлов М.Б.** Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII –XX вв. – С.-Петербург: Петрополис, 1996.
38. **Семевский В.** Раздача населенных имений при Екатерине II// Отечественные записки, 1877, № 8.
39. **Скрынников Р.Г.** Россия в начале 17в. Смута. - М.: Мысль, 1988.
40. **Соловьев С.М.** История России с древнейших времен. В 18 томах. – М.: Мысль, 1988.
41. **Стариков Е.Н.** Общество-казарма: от фараонов до наших дней. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996.
42. **Уильямсон О.** Экономические институты капитализма. - Санкт-Петербург: Лениздат, 1996.
43. **Ушаков В.** Немыслимая Россия// Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. Россия как идея. - М.: Аргус, 1995.
44. **Хантингтон С.** Столкновение цивилизаций и изменение мирового порядка//Pro et Contra, том 2., № 2.
45. **Хейне П.** Экономический образ мышления. - М.: Дело, 1992.

46. **Хлебников Н.** О влиянии общества на организацию государства в царский период русской истории. - Спб., 1869.
47. **Ходжсон Дж.М.** Жизнеспособность институциональной экономики// Эволюционная экономика на пороге XXI века. – М.: Япония сегодня, 1997.
48. **Цакунов С.В.** Формирование взглядов Н.И. Бухарина на экономику переходного периода// Истоки. В 2 томах. - М.: Экономика, 1989, т.1.
49. **Шанин Т.** Россия как "развивающееся общество". Революция 1905 года: момент истины// Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. Россия как предмет. - М.: Аргус, 1995.
50. **Шафаревич И.** Социализм как явление мировой истории// Есть ли будущее у России. - М.: Советский писатель, 1991.

Уважаемый читатель!

*Ваши комментарии, вопросы и размышления
по поводу прочитанной Вами книги
направляйте автору по адресу:*

*630090, г. Новосибирск 90,
просп. Академика Лаврентьева, 17,
Институт экономики и организации
промышленного производства СО РАН,*

*доктору социологических наук,
Бессоновой Ольге Эрнестовне*

либо по электронной почте:

beol@mail.nsk.ru

План 1999 г., поз.167

**Раздаток: институциональная теория
хозяйственного развития России**

Бессонова Ольга Эрнестовна

Редактор *Юхлина В.Ю.*

Компьютерная верстка *Бессонов И.И.*

Лицензия ЛР №020892 от 30.05.1994г. Подписано к печати 20 октября 1999 г. Формат бумаги 60x84 ¹/₁₆ Объем 9,5 п.л. Усл.-печ.л. 9,5 Уч.-изд. л. 9,0. Тираж 300 экз. Заказ №230

Участок оперативной полиграфии Института экономики и организации промышленного производства СО РАН.
630090, г. Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17.